

Владимир Бердников

Человек неразумный

12+

Владимир Бердников
Человек неразумный

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бердников В. А.

Человек неразумный / В. А. Бердников — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Действие романа происходит в СССР в начале 80-х, во времена господства атеистической идеологии. Заломов — выпускник Ленинградского университета — поступает на работу в сибирский академический институт и вскоре обнаруживает, что взгляды многих научных сотрудников засорены представлениями, весьма далёкими от рациональных. Молодой человек отчаянно спорит, пытаясь понять причину этого явления. В конце концов Заломов приходит к выводу, что в ошибках и заблуждениях умных и прекрасно образованных людей повинен наш разум.

Содержание

КАФЕ ТЕОРЕМА	6
ПЕРВЫЕ СПОРЫ	11
ЕГОР ПЕТРОВИЧ ДРАГАНОВ	15
ПОХОД В ЛЕС	21
УЧЁНЫЙ СОВЕТ	24
А ВЫ В БОГА-ТО ВЕРИТЕ?	29
ГАРМОНИЧНЫЕ МУДРЕЦЫ	35
ДРУГИЕ СТРОКИ	39
БОРЬБА РАЗУМА С ДРЕВНЕЙШИМ ИНСТИНКТОМ	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Идеология современных людей
определяется балансом двух взглядов
на мир – рационального, порождённого
научно-техническим прогрессом,
и мистического, выкованного человечеством
за тысячелетия пещерной жизни.
Из дневника В.Заломова, 1981

КАФЕ ТЕОРЕМА

Вечером 17 апреля 1981-го года двадцатилетний Владислав Заломов вышел на крыльцо Института, и в тот же миг его едва не сбил с ног непривычно тёплый, гудящий и гремящий воздушный поток, пропитанный запахами проснувшейся земли.

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

– раздались в голове Заломова выученные в детстве стихи, и радостью – чистой, ничем не замутированной – наполнилась его душа... «Так это ж весна пришла!» – едва шевеля губами, произнёс он и, следуя русскому канону, добавил: «Такое дело надо отметить!». И тут перед его внутренним взором возникла горящая во тьме алая неоновая надпись – Кафе Теорема.

Почти каждый вечер проходил он мимо заведения с этим странным названием, и тогда взгляд его скользил по ярко освещённым окнам второго этажа, и он видел тени танцующих на жёлтых занавесках. Таинственная Теорема завораживала и влекла, но всякий раз, когда он порывался зайти в неё, что-то в душе его успевало прошептать: «Нет, не сегодня, не сейчас». «Поразительно, как легко мы творим иллюзии!» – буркнул Владислав себе под нос и бодро зашагал к Теореме.

Открыв заветную дверь, он оказался в просторном вестибюле. Здесь было довольно темно, лишь лестница на второй этаж была хорошо освещена. Он сдал в гардеробе куртку и подошёл к лестнице. Белейший мрамор ступеней, приятная музыка и льющийся сверху яркий свет погрузили его в состояние, близкое к гипнозу. Заломов поднимался по сияющим ступеням, и ему казалось, он возносится в сказочный мир, полный света, радости и красоты.

И о чудо! На втором этаже, за балюстрадой, отделяющей зал кафе от лестничного проёма, стояла стройная брюнетка лет двадцати. Взгляд Заломова на мгновение задержался на её лице и тут же отлетел прочь. Пронеслось ещё мгновение, и он уже знал и знал твёрдо, что девушка, стоящая за белыми перилами, – красавица. Удивительно, как ему удалось за какую-то долю секунды проанализировать всю ту массу черт и чёрточек, из которых вроде как складывается красота? Неужели его пленили лишь схематичный набросок лица да блеск локонов тёмных волос?

Увы, девушка даже не взглянула на него, она вся была в ожидании кого-то другого. Заломову оставалось лишь с независимым видом пройти мимо красотики и переключить свои мысли на предстоящий ужин. Однако эмоциональная буря, порождённая «чудным видением», не желала улететь. Походив по залу, Владислав выбрал столик, откуда можно было следить за молодой женщиной, о существовании которой он даже не догадывался каких-нибудь пять минут назад. Она стояла к залу спиной, продолжая наблюдать за лестницей. Облегающее короткое платье без рукавов позволяло оценить фигуру: округлые плечи, узкая гибкая талия, аккуратные бёдра, стройные ноги.

Он заказал, что обычно заказывал в столовых Ленинграда, – бутылку тёмного пива и бифштекс с яйцом – и уже приступил к ужину, когда красотка наконец встретила того, кого так напряжённо ожидала; им оказался невысокого роста рыжеватый молоденький очкарик с выпуклым лысеющим лбом, мясистым красным носом и такими же мясистыми красными щеками. Парень был похож на человека, который только что сыграл роль Деда Мороза и примчался сюда, едва успев содрать вату с разгорячённых щёк. И хотя было очкарику едва ли более двадцати пяти, у него уже наметился животик, да и контуры его грудной клетки, шеи и бёдер были заметно сглажены слегка избыточной жировой прослойкой.

Краснощёкого паренька сопровождал высокий, хорошо сложенный господин лет пятидесяти с внешностью светского льва. Добротный тёмно-серый костюм сидел на нём как влитой;

такие костюмы в магазинах не покупают, их творят искусные портные. Однако галстук отсутствовал, и верхняя пуговица белейшей рубашки была вызывающе расстёгнута. У «светского льва» был высокий лоб, крупный нос с лёгкой горбинкой и соразмерный носу хорошей формы подбородок. Бросались в глаза его золотистые курчавые волосы, к сожалению, уже тронутые сединой и изрядно поредевшие. В ярком электрическом свете ажурная сеть этих волос сияла, и казалось, золотой нимб парил над головой лысого небожителя. Молодой человек в очках, раскланявшись с прекрасной брюнеткой, представил ей своего импозантного спутника, и тот неожиданно громко (так что Заломов мог хорошо расслышать) прогудел низким густым баритоном: «О, Анна Дмитриевна, весьма рад с вами познакомиться. Имел честь знать вашего отца. Сожалею, что его нет с нами, однако не сомневаюсь, что гены этого незаурядного человека не затерялись при формировании вашей личности». Затем все трое сели за столик возле окна, откуда до Заломова долетали лишь обрывки их беседы.

Внезапно заиграла громкая ритмичная музыка, и в центральной, свободной от столиков части зала появились танцующие пары. В голове слегка захмелевшего Заломова мелькнула смелая мысль: «А что если пригласить эту Анну на танец? Ведь это же шанс!». Следует заметить, что, несмотря на молодость, Заломов успел выработать для себя некоторые философские принципы. Один из них он называл «антифатализмом». Заломов категорически не верил в судьбу, но он верил, что в жизни каждого человека довольно нередко (чуть ли не каждый месяц, а то и чаще) случаются события, открывающие путь к решению какой-нибудь из его насущных проблем. Нужно лишь быть терпеливым, внимательным и смелым. Так что, как только заиграла музыка и появились первые танцующие пары, Заломов счёл обстановку благоприятной для решения его самой естественной проблемы.

подавив природную робость, он подошёл к столику Анны и, глядя на неё ошалелыми глазами, изрёк весьма банальную фразу: «Разрешите пригласить на танец». Анна была явно сбита с толку: менее всего она планировала здесь танцевать да ещё непонятно с кем. Не зная, что делать, она смотрела на Заломова и молчала. И Заломов, увидев её лицо вблизи, замер и онемел. А тем временем голова его погрузилась в оценочные расчёты. Лоб, нос и подбородок Анны, пожалуй, соответствовали классическим канонам, но скулы были чуть шире, чем у статуй древнегреческих богинь, да и рот был великоват, а кожа – непривычно смугла (хотя те богини наверняка тоже были смуглянками). И всё-таки никогда ранее не встречал Заломов более привлекательного лица. Главным в нём была яркость. Всё было ярким: и тёмные волнистые волосы, и густые чёрные брови, и тёмно-серые искрящиеся глаза, и смугло-румяные щёки, и алые сочные губы.

Первой отвела глаза Анна. Она покраснела и растерянно взглянула на своих компаньонов по столику, наивно ища у них поддержки, но и те были слегка шокированы. Светский лев только что начал свой очередной экскурс в историю западноевропейской живописи. «Несмотря на сходство имён, Гоген был далеко не Ван Гогом...», – провещал он и умолк, с испугом глядя на возникшее из ниоткуда незнакомое лицо. А лицо это было простоватым – никаких печатей избранности, никаких изюминок. Да и одежда чужака не отличалась изысканностью. Невыразительный вязаный джемпер да серенькие брючки с едва заметной стрелкой. А туфли-то были просто ужасны – грубые, жёсткие и плохо начищенные. «Впрочем, такие и не начистишь. Не иначе как производства ленинградской фабрики «Скорород», – с долей злорадства отметил светский лев и усмехнулся: – Чего ждать от человека, носящего скороходовскую обувь?»

Положение Анны было безвыходным: не могла же она ни с того ни с сего нагрубить, сказав, что не танцует. После не слишком долгих колебаний она поднялась, и молодые люди приступили к танцу, точнее, к их первому разговору.

– Знаете, – начал он, – я живу в Городке уже четыре месяца, но только сегодня впервые выбрался в свет. Боюсь, я веду себя не так, как здесь принято.

– Откуда же вы взялись? Извините за старую шутку, с какой пальмы вы слезли, этикие все из себя неосведомлённые?

– Зовут меня Владиславом, а приехал я из Северной столицы, известной также под именами Северная Пальмира, Северная Венеция и Колыбель трёх русских революций. Окончил тамошний университет и распределился в местный Институт генетики.

– А меня зовут Анной, и я тоже приезжая. Окончила университет города, именуемого в просвещённых кругах Сибирскими Афинами, и устроилась здесь преподавателем в школе для одарённых детей.

– Извините, миледи, но что-то не успеваю догадаться, что за город скрывается за столь пышным именем?

– Поразительное невежество, сэр. Это же Томск.

– Ах, вот оно что! И какой предмет вы ведёте в школе?

– Биологию.

– Так вы биолог! – с деланным энтузиазмом воскликнул Заломов, – какое совпадение! ведь я тоже биолог, точнее, молекулярный биолог, а ещё точнее, – молекулярный генетик.

– Ну, если вы работаете в Институте генетики, то должны знать и моих собеседников.

– Молодого человека в очках я, кажется, встречал в Институте, хотя не уверен, а вот другого, видимо, шибко великого, уж точно вижу впервые. Я работаю у доктора Драганова и из лаборатории практически не выхожу, так что мало с кем успел познакомиться.

– Странно, что вы их не знаете. Это же знаменитый доктор Кедрин со своим учеником. Хотите, я вас с ними познакомлю?

– Почему бы и нет, – ответил Заломов, и в голове его сверкнуло: «Вот он тот самый случай! Принцип антифатализма работает».

А тем временем музыка умолкла, и он подвёл Анну к её столику.

– Знакомьтесь, товарищи, – объявила девушка, – это сотрудник вашего института Владислав».

– Демьян, – привстав, с пионерским задором выпалил краснощёкий очкарик.

– Аркадий Палыч, – по-барски, не вставая, представился доктор Кедрин. – Ну что ж? Вижу я, на ловца и зверь бежит.

Эта странная и, вроде бы, неуместная фраза заставила Заломова привычно наморщить лоб, но он всё равно не понял, кто, по мысли учёного, был тут зверем, а кто ловцом.

– Между прочим, Владислав – выпускник Ленинградского университета, и он работает в лаборатории доктора Драганова, – попыталась Анна перевести разговор в деловое русло.

– Драганова? – с оттенком брезгливого недоверия повторил Кедрин. – Теряюсь в догадках, почему Егор Петрович мне про вас ничего не рассказывал. Вы, должно быть, здесь в командировке?

– Да нет. Уже четыре месяца работаю младшим научным сотрудником в Лаборатории хромосомной инженерии.

– Что же заставляет вас вести скрытный образ жизни? Сами-то, небось, преисполнены великих идей? – съязвил Кедрин.

Но Заломов на провокацию не поддался.

– Какие там идеи? Просто приходится много работать.

– Прекрасный ответ, Владислав. Краткий и выразительный! – выпалил Аркадий Павлович и, запрокинув назад свою крупную сверкающую голову, заговорил с невероятной скоростью и мощью. Слова его гремели и шипели, будто рот оратора был наполнен мелкими камешками. («Ни дать, ни взять, форменный Демосфен на тренировке», – мелькнуло у Заломова.)

– Видите ли, Владислав, – продолжал Кедрин, – Анна Дмитриевна преподаёт в школе для вундеркиндов. Школа неплохая, хотя ей далеко до той, что кончал я на заре моей молодости, –

Аркадий Павлович самодовольно усмехнулся, и лицо его приняло, что называется, «значительное» выражение. – Да-а... в те далёкие и суровые годы были школы так школы, и поступить в них было са-а-всем не просто. Впрочем, всё это не помешало мне попасть в одну такую, что возле Кремля, и закончить её и даже с медалью из жёлтого драгметалла.

– Так вот, молодой человек, – с новой силой загремел Кедрин, – Анна Дмитриевна решила – и совершенно правильно решила – связаться с учёными нашего института. В годы моей юности такое было обычным делом. В моей школе преподавали даже академики, да если за такие школы не братья, то откуда мы будем пополнять, откуда будем черпать свои кадры? А ведь, как известно, кадры решают всё, – Кедрин перевёл дыхание. – Итак, сия юная интеллектуалка страстно возжелала, чтобы учёные нашего института провели в её классе серию уроков по наиболее продвинутым областям современной биологии. Первым на сей призыв откликнулся мой молодой, но, не побоюсь красивых слов, весьма перспективный сотрудник – Демьян Иваныч. Он же подбил и вашего покорного слугу подключиться к сему благовому начинанию. Правда, я страшно занят: бесконечные съезды, конференции, симпозиумы... О, кто бы знал, как надоела мне вся эта суета сует! Да будь она неладна! Однако только здесь, далеко за Уральским хребтом, в этом засыпанном снегом крае, отвоёванном для нас удалым казаком Ермаком Тимофеевичем, я чувствую себя в своей воистину оптимальной форме. Только здесь рождаются в моей голове самые смелые, самые парадоксальные мысли, соображения, гипотезы и даже идеи.

Кедрин картинно умолк, уставившись в надпись на стене: «Не оставляйте на столах грязную посуду!». (Днём кафе работало как столовая самообслуживания.) Выдержав паузу, он продолжил, слегка понизив голос:

– Только здесь формируются истинно нашенские характеры, преданные науке и Родине! – и, скосившись на Заломова, Аркадий Павлович завершил свой спич: – Я думаю, молодой человек, ваш прямой долг, ваша прямая гражданская обязанность – помочь Анне Дмитриевне в деле воспитания наших преемников, наших продолжателей, наших идейных потомков.

– Аркадий Павлович, пожалуй, вы малость преувеличили моё скромное начинание. Я хочу лишь заинтересовать ребят актуальными проблемами биологии и всего-то, – чистый и сочный голос Анны после Демосфенова рыка показался Заломову соловьиной трелью.

– Анна, вы совершенно правы, наша главная задача – заинтересовать ребят настоящей биологией, – ворвался в разговор краснощёкий Демьян, – и Аркадий Павлович тоже прав. На наших уроках мы попробуем соединить воедино оба аспекта преподавания: гносео-познавательный и этико-нравственный! – выпуклые зеленоватые глаза Демьяна победно сверкнули за толстыми стёклами очков. – Я хорошо знаю нескольких молодых специалистов по генетике, цитологии и молекулярной биологии, так что можно будет сбачать очень даже недурственную программку. Ну так как, Владислав? Не возражаете, если мы запишем и вас хотя бы на парочку уроков?

Заломов молчал. Всё складывалось уж слишком для него благоприятно. Тут попахивало ловушкой.

– Соглашайтесь, Владислав, – прервала неловкую паузу Анна и одарила молодого человека довольно продолжительным взглядом.

Эти слова и особенно этот взгляд заставили Заломова отбросить сомнения. «Да, да! Тысячу раз, да!», – хотелось ему прокричать, но в реальности... (О, как часто мы вынуждены скрывать свои чувства за вуалью холодных слов!) Так вот в реальности он почему-то потянул с ответом, зачем-то остановил свои глаза на лице Аркадия Павловича и довольно спокойно ответил: – «Хорошо, я согласен на один урок об информационном содержании генома, но ничего яркого и выпуклого ждать от меня не стоит. Боюсь, я лишён преподавательского таланта».

– Я вижу, Владислав, вас интересуют тайны генома, тайны ДНК, – проговорил-пропел Кедрин. И кривая усмешка его будто добавила: «Ну и куда ты прёшь, парень, со своими пятью копейками? Нос твой ещё не дорос до таких проблем».

– Да, – спокойно ответил Заломов.

На лице Кедрина застыло удивление. Он ожидал более пространныго объяснения.

– Ну и славненько, – рассмеялась Анна и, повернувшись к маститому учёному, не без кокетства заявила: – Аркадий Павлович, я приглашаю вас на танец.

Было видно, что Кедрин польщён предложением молодой цветущей женщины.

– А не боитесь пускаться в пляс со старой матрицей? – спросил он, играя своим бархатым бас-баритоном.

– Ну что вы, Аркадий Павлович? Говорят, бывалый конь борозды не испортит, а закалённой матрице вообще сносу нет, – в той же игривой манере ответила Анна и осеклась, ибо по побледневшему лицу светского льва пробежала тень лёгкого испуга. Впрочем, уже через секунду губы учёного привычно изогнулись в ироничную улыбку и, гордо задрав подбородок, он прогремел:

Сомнения мои понять несложно,

Боюсь, друзья мои, что впрямь

В одну телегу впрячь не можно

Бывалого коня и трепетную лань.

Отдышавшись, добавил: «Да простит меня Александр Сергеич за вольное обращение с его стихом».

Забавное лирическое отступление было вознаграждено взрывом смеха молодых людей. Приведя себя в боевое состояние, Кедрин встал, шаркнул начищенными до сияния элегантными штиблетами и вдруг принялся выделывать ногами такие штуки, такие коленца и прыжки, что поначалу Анна лишь руками разводила. Заломову показалось, что Аркадий Павлович пытается изобразить нечто вроде кавалергардской мазурки. Поразительно, но Анна, довольно скоро разгадала танцевальный замысел своего партнёра, и его сольное выступление перешло в неплохо согласованный дуэт. Экстравагантная хореография привлекла публику. Танцующие пары одна за другой останавливались, чтобы полюбоваться на забавное представление. Кончилось тем, что все танцующие и даже многие нетанцующие образовали вокруг порхающих по паркету Кедрина с Анной широкое кольцо и стали отбивать такт ладонями. Бедный светский лев! Пот струился по его покрасневшим щекам и шее, а он всё прыгал, мучительно ожидая конца своего рискованного предприятия. Наконец музыка умолкла, и Кедрин под аплодисменты зала нашёл в себе силы куртуазно подхватить Анну под локоть и подвести её к столику.

– Аркадий Павлович! – раздался молодой, чистый и звенящий, как китайский фарфоровый колокольчик, женский голос. – И давно вы здесь?

– Ниночка!?! Вы? – хрипло отозвался Кедрин.

От дальнего столика поднялась высокая худосочная женщина лет тридцати пяти, одетая в короткое чёрное платье с глубоким узким вырезом на груди. Тёмные блестящие волосы Ниночки были уложены в высокую башенку, что удлиняло её и без того длинную шею. Всё, что сверкало и брнчало на запястьях и суховатой груди Ниночки, было бы слишком утомительно описывать. Лицо её фактически было скрыто под слоем декоративной косметики, впрочем, приглядевшись к Ниночке, можно было обнаружить за прорезями её боевого забрала бойкие карие глаза, которые никак не желали вписываться в далёкий Нефертити-подобный образ. Кедрин услужливо выскочил навстречу своей приятельнице и ловко припал к её ручке. В течение минуты она громко распекала его за «невозможный эгоизм», а затем увлекла к своему столику, где сидели двое очень солидных мужчин.

ПЕРВЫЕ СПОРЫ

Лишившись присмотра старшего товарища, молодёжь приступила к выяснению важнейшего для незнакомых людей вопроса – кто из них кто?

– Итак, ваша специальность молекулярная генетика, – обратилась Анна к Заломову. – Наверное, вы не только изучаете гены, но и пытаетесь с ними что-то делать? Интересно, чего новенького хотели бы вы из них состряпать?

Заломов решил, что после долгой праведной жизни он может себе позволить немного пустой болтовни.

– О, я бы хотел сконструировать новое живое существо, которое было бы лучше и совершеннее всего, созданного природой.

– Не слишком ли вы самонадеянны, товарищ Заломов? Да и возможно ли такое, в принципе? Ведь естественный отбор вроде бы и так всё довёл до полнейшего совершенства, – делано возмущённый тон Анны показывал, что она готова поиграть в научный спор.

– В природе нет и быть не может идеальных объектов, поэтому любой реальный живой организм несовершенен, можно сказать, по определению, – ответил Заломов быстро и чётко. Было видно, что мысль о неидеальности природных объектов уже давно им продумана.

«Этот парень не так-то прост, с ним надо держать ухо востро», – мелькнуло в голове Анны.

– И чего же, по-вашему, не хватает людям? *Что* вы хотели бы им добавить? – тон девушки стал почти серьёзным, но Заломов продолжал «острить»:

– Я бы создал человека с жабрами, чтобы он и под водой дышать мог, как рыба.

– А лёгкие-то у него останутся? – с ехидной улыбкой спросила Анна.

– Ясное дело, останутся. Как же можно человеку без лёгких?

– Только, пожалуйста, не забудьте, что жабры вашего рыбчеловека по своей эффективности не должны уступать нашим лёгким. Интересно узнать, какой же орган вы собираетесь перекроить в столь мощные жабры?

– Увы, лишних органов у людей нет. Жаль, что наши эволюционные предки утратили хвост.

– Ну, а если бы таковой нашёлся, что бы вы с ним сделали?

– О, для начала я удлинил бы его раз этак в сто, а после закрутил бы в плотную спираль, чтобы ходить по суше не мешал...

– Боже, какой ужас и кошмар вам примерещился! – оборвала Анна развитие этой диковатой мысли. – А впрочем, мне кажется, у вас есть шанс. Припоминаю, в старых учебниках биологии приводилась фотография мальчика с аккуратным хвостиком. Вот вам и недостающий орган, удлиняйте его хоть в тысячу раз.

Сказав это, Анна громко расхохоталась, открыв для обзора все свои зубы. А были они поразительно хороши: первозданно белые и ровные. Лишь верхние клычки слегка выдавались из общего ряда. Не отрывая глаз от этого чудного рта – чувственного и слегка агрессивного – Заломов быстро и бездумно ответил:

– Вы совершенно правы, люди далеко не бесхвостны. Ведь человеческий зародыш обладает хвостом, точнее, его зачатком. Значит, есть и соответствующие гены. А хвостик у того несчастного мальчика, вероятно, возник из-за мутации, поразившей какой-то из его генов «хвостатости». Так что одарить человека хвостом не проблема. Ну, а растянуть новый орган до любой желаемой длины можно простым увеличением дозы тех уже упомянутых мною генов хвостатости.

Анна прекратила смеяться и воскликнула:

– Ну, Владислав! Ну, вы даёте! Неужели вы считаете такое возможным? Неужели вы верите во всё это?

– Честно сказать, нисколько не верю, – Заломов тоже перестал смеяться. – Ведь для того, чтобы превратить хвост в эффективные жабры, нужно выполнить превеликое множество весьма капитальных переделок. Во-первых, нужно создать в том хвосте мощную сеть капилляров, отделённую от внешней среды тончайшей мембраной, пропускающей газы. Во-вторых, хвост с круглым сечением имел бы слишком маленькую поверхность, поэтому новому органу следует придать форму широкой ленты, покрытой густой бахромой из длинных и тонких ворсинок. Но такие возникшие из хвоста жабры превратились бы в сильнейший рассеиватель тепла. Значит, в-третьих, чтобы скомпенсировать дополнительный расход энергии, наш человек нового типа должен резко увеличить объём поедаемой пищи, а это потребует перестройки практически всех внутренних органов – и кишечника, и почек, и сердца, да и тех же лёгких. Видите, сколько всего нужно сотворить, чтобы превратить нашего с вами брата в настоящего Ихтиандра. По сравнению с этим превращение обезьяны в человека выглядит делом совершенно пустяковым.

Возникла напряжённая пауза, и Заломов уже проклинал себя за то, что снова сорвался на занудное умствование. Из опыта прежней жизни он знал, как неоднозначно воспринимают люди его рассуждения. Он знал это, но не мог справиться со своей слабостью – с непреодолимым желанием в каждом разговоре, и важном и пустяковом, долго и излишне обстоятельно доходить до логического финала.

– Владислав, вы опасный человек. Говорите одно, а думаете другое, – с наигранным возмущением заметила Анна.

– А разве это не обычно для людей? – небольшие серо-голубые глаза Заломова прямо и честно взглянули на собеседницу. Анна слегка опешила, но после короткой паузы, с трудом сдерживая игривую улыбку, воскликнула:

– Да вы, товарищ Заломов, похоже, и впрямь человек опасный!

Она хотела ещё что-то добавить, но тут в разговор вклинился внезапно разволновавшийся Демьян.

– Слава, как вам, вообще-то говоря, хватило дерзости сравнить процесс создания, в общем-то, ерундовых жабр с уникальнейшим феноменом возникновения ЧЕЛОВЕКА, наделённого практически рассудком и творческим разумом?

Щёки и шея Демьяна сделались совершенно красными, и даже выпуклый лысеющий лоб его покраснел.

– Но разве для выживания организма работа мозга важнее, чем, скажем, работа лёгких или почек? – вяло отмахнулся Заломов.

– И всё-таки я не понимаю, как вам в голову могло такое прийти? Как вы посмели поставить рядом такие совершенно несопоставимые вещи?! – не унимался Демьян.

– А почему бы и нет? – возразил Заломов.

– Да ведь возможности нашего разума без-гра-а-ни-чны!

– Дёма, постарайтесь выразить свою мысль, не прибегая к непредставимому образу бесконечности, – холодно заметил Заломов.

– Я хотел сказать, что возможности нашего разума выглядят явно избыточными. Скажите, зачем, к примеру, дана нам способность составлять и решать дифференциальные уравнения, писать стихи и сочинять музыкальные симфонии? К чему эти способности первобытному охотнику-собирателю? Нет, Слава, разум нам дан для чего-то куда более значительного, для чего-то неземного... – с завыванием провещал Демьян и неожиданно замолчал, будто обо что-то споткнулся.

– Ну, договаривайте, Дёма, не стесняйтесь, – голос Заломова по контрасту с Демьяновой патетикой звучал сухо и безучастно. – Итак, для чего же неземного дан нам столь мощный разум?

– Он дан нам для контакта с Космосом, – ответил ученик доктора Кедрина и для придания веса сказанному слегка выпучил свои и без того выпуклые глаза.

Заломов понял, что беседа вот-вот перейдёт в давно переевшее ему плешь мистическое русло, и с тоскою на лице он продолжил навязанный ему спор.

– Ну и с чем же или с кем же в межзвёздной пустоте мог бы контактировать наш разум?

– С Мировым Духом, обитающим где-то в глубинах Космоса! – выпалил Демьян.

– Из ваших слов «где-то в глубинах космоса» следует, что Мировой Дух занимает не всё космическое пространство, а лишь его часть, видимо, какую-то особую его область?

– Да. Конечно. Наиболее проницательные мыслители полагают, что где-то там, в центре Вселенной, сосредоточена вся информация о прошлом и будущем Мира.

– Похоже, вы полагаете, что Мировой Дух обладает протяжённостью и формой? Как вообще он вам представляется?

– Честно сказать, – глаза Демьяна засверкали, – я представляю его неким клубящимся облаком, в котором постоянно вспыхивают и гаснут какие-то таинственные дрожащие огни.

– Да вы, батенька, просто форменный поэт. Вы мыслите Дух как некое светящееся текучее тело неопределённой формы и состава, как нечто вроде Океана-Соляриса, сотворённого буйной фантазией Станислава Лема, не так ли?

– Пожалуй, что так, – простодушно согласился Демьян.

Заломов рассмеялся:

– Ещё немного и вы начнёте вслед за Демокритом рассуждать о свойствах атомов духов и богов. Но, дорогой Дёма, дух не может состоять из атомов и элементарных частиц, и у него не может быть ни формы, ни границ, ни дрожащих огней.

Демьян на секунду задумался.

– Не понимаю, к чему вы клоните, – пробурчал он неуверенным голосом; однако вскоре взбодрился и с вызовом воскликнул: – А разве наш собственный дух не ограничен нашей телесной оболочкой?!

– Тогда, может быть, вы укажете мне место, где этот дух у нас гнездится? – набросился Заломов на бедного Демьяна. – Может быть, он обитает в нашем сердце, или в головном мозге, или в печени, или в диафрагме, или в полостях трубчатых костей, или в крестце, или в копчике, или в крови? – Вот места, куда чаще всего помещали человеческую душу древние народы.

Демьян немного подумал и ответил:

– Наверное, всё-таки в головном мозге.

– А нельзя ли поконкретнее? – Заломов уже не сдерживал язвительной улыбки. – В каком отделе головного мозга, в каком полушарии, в какой доле, в какой извилине?

Демьян снова задумался, но весь вид его показывал, что он сбит с толку.

– Я не могу указать вам точное местоположение нашего духа.

– Дорогой Дёма, – провещал Заломов тоном мудрого учителя, – фактически вы описываете дух как облакоподобный физический объект. Если бы я верил в духов, то не опускался бы до столь плоского материализма. Духовное – как нечто противоположное материальному – не может обладать протяжённостью, формой, границами и физико-химическими свойствами. Оно также не может обладать массой и энергией. И, стало быть, не может двигаться, светиться и физически воздействовать на нас. Получается, что в ощущаемом нами трёхмерном мире (а другого мира нам не дано) духов просто быть не может.

От возмущения Демьян даже подскочил на стуле. Он приподнял плечи, набрал в лёгкие побольше воздуха для продолжительной тирады, но так и застыл с раскрытым ртом, ибо в этот

момент раздался сладкозвучный призыв Анны: «Мальчики, хватит философии, я танцевать хочу».

Действительно, молодые люди, поглощённые своим петушиным боем, и не заметили, что публика в кафе уже ударилась в безудержное славянское веселье. Пляшущие люди образовали нечто вроде хоровода и под звуки зажигательной балканской музыки летят по кругу, положив руки на плечи друг друга. Тут были и Кедрин, и солидные господа, сидевшие с Ниночкой, и сама Ниночка, забывшая о своём возрасте, о своей маске и обо всём прочем, чем являлась она в этом мире. Трое молодых спорщиков тоже включились в хоровод. Заломов быстро усвоил несложные движения, и сладкая, пьянящая радость затопила его душу. Он видел только Анну, видел, как её волнистые волосы, подчиняясь дикому ритму, падают то на округлые плечи, то на упоённое пляской прекрасное лицо. Временами она поворачивалась к нему, и в её тёмных грозных очах вспыхивали такие электрические разряды, от которых его сознание куда-то сладко проваливалось. И в том сладком провале он видел её танцующей в свете костра с гирляндами цветов вместо одежд... Эх! Чего только не привидится неженатому молодому мужчине под влиянием танца, всеобщего веселья и близости молодой, красивой и здоровой женщины!

Но всему приходит конец. Безумная пляска закончилась, и Анна объявила, что ей нужно идти домой. «До встречи», – произнесла она, нарочито прокартавив на американский манер, и направилась к выходу, гордо и без малейших усилий неся над паркетом своё лёгкое гибкое тело. Заломов подошёл к окну и увидел, как Анна, выскочив из кафе, подбежала к выдавшей виды Волге, открыла дверцу и, резко повернувшись, бросила взгляд на окна второго этажа. Заломов почти автоматически махнул ей рукой, и Анна, уже находясь в машине, тоже махнула рукой. Затем её Волга тронулась, и, быстро набрав высокую скорость, помчалась в сторону Институтского бульвара.

Заломов шёл домой, и в мыслях его была только *она*. Сомнений не было – он снова проваливался в любовь. Эти горящие умом глаза, эти сочные губы, это молодое тело, полное здоровья и грации. Эта правильная русская речь, лишённая провинциализмов. И всё это в глубине Азиатского континента, в самом центре Сибири.

А кругом бушевала сибирская весна. Никогда раньше не видывал Заломов такой бурной весны. Зима с морозами и вьюгами безраздельно властвовала до середины марта, потом пару недель стояла очень мягкая (вполне зимняя по европейским меркам) погода. И вдруг волнами стало набегать тепло, огромные сугробы стали оседать прямо на глазах, и наконец всё поплыло. Только на днях вода успокоилась, уйдя в землю, покрытую чёрной грязью и бурыми прошлогодними листьями. Сегодня он видел возле Института ярко-жёлтых, почти люминесцирующих бабочек-лимонниц, а через форточку в его подвальную трудовую келью залетела крапивница с крыльями, будто сотканными из оранжевого шёлка. Берёзы ещё не распустились, но их серёжки уже набухли и начали лопаться, распространяя жёлто-зелёные облачка пыльцы, от которой немного скребло в горле и жгло глаза. Но даже эта лёгкая аллергия не снижала чувства восторга от единения с природой, со всех сторон обступившей Заломова. Наверное, влюблённость обострила его воображение. Ему вдруг показалось, что он видит, как в глубине чёрной влажной почвы, расталкивая комья тучного перегноя, рвутся вверх толстые ростки таинственных, ещё неведомых ему цветов Сибири. Удивительно, но, несмотря на то, что детство и юность Заломова прошли в маленьком провинциальном городке под Ленинградом, он никогда не думал, что можно так болезненно переживать пробуждение природы. Полгода зимы даже для северянина, пожалуй, многовато.

ЕГОР ПЕТРОВИЧ ДРАГАНОВ

Следующий день был субботой. Обычно в субботу Заломов шёл в Институт, но в это утро он забыл про свою работу. Он лежал в постели и перебирал в памяти события вчерашнего вечера. Естественно, особому анализу подверглось всё, связанное с Анной. Восстанавливая в памяти её слова, мимику, жесты, переливы голоса и смех, он испытывал восхитительное чувство влюблённости. Одурманенное этим чувством сознание требовало одного – снова и снова видеть её. «А захочет ли она видеть меня? – спросил себя Заломов и тяжело вздохнул. – Эх, если бы у меня была голливудская внешность». Но, увы, он прекрасно знал, что не вышел ни лицом, ни видом. Даже спортивная секция по плаванию не настолько улучшила его фигуру, чтобы взгляд стороннего наблюдателя мог бы выхватить его из безликой серой толпы. Иными словами, внешность Заломова можно было, не колеблясь, назвать весьма обычной и даже заурядной. И всё-таки девушки что-то в нём находили и нередко даже влюблялись, правда, не сразу, не с первого взгляда.

Итак, в то весеннее утро Заломов пожалел, что не красавец. А ведь ещё совсем недавно в болтовне с приятелями-студентами он развивал оригинальные мысли о преимуществах некажистости. Он указывал на «ужасные проблемы», которые якобы осложняют жизнь красивых молодых людей. «Главная беда красавцев, – говаривал Заломов, – в том, что высшая награда достаётся им незаслуженно легко, а это тормозит развитие личности». В своих рассуждениях он доходил даже до презабавного вывода, что красивая внешность – это вообще самое невыгодное, что может получить мужчина от своих родителей. Такова была теория Заломова, но как же сейчас хотелось ему быть красивым! Впрочем, никакие жизненные ситуации не мешали ему находить забвение в своих мыслях и мечтах.

«Эх, лица, лица, – занялась в голове его новая мысль, – какое интересное явление природы. В этнически однородной популяции одни и те же лица появляются снова и снова. И такие, как у Демьяна, и такие, как у Кедрина, да и моё лицо, конечно же, появлялось на Руси несчётное число раз. Действительно, при высокой концентрации генов, стоящих за «русскими» (то бишь за восточно-европейскими) чертами, не так уж редко должны повторяться и комбинации этих генов». Впервые Заломов осознал закон воспроизведения лиц, когда смотрел документальный фильм о войне. Кинокамера медленно скользила по колонне советских солдат на марше, и он видел среди тех погибших или давно состарившихся людей лица своих сверстников. Увидел он и себя и испытал чувство щемящей жалости. А вот личности формируются не только генами. Едва ли за всю историю человечества появлялись хоть раз две совершенно одинаковые личности. Впрочем, личностные *типы* возникают в полном соответствии с законами комбинаторной генетики. Людей волевых и мягких, любознательных и апатичных, хвастливых и скромных легко отыскать в любом крупном коллективе.

Научным руководителем Заломова был пятидесятирёхлетний доктор биологических наук Егор Петрович Драганов. Это был среднего роста широкоплечий мужчина плотного, можно даже сказать, атлетического телосложения. Возраст явно не спешил отметиться на его внешности. Жёсткие коротко остриженные волосы шефа ничуть не поредели и сохранили свой цвет и лоск. Только на висках, да и то, лишь присмотревшись, можно было заметить отдельные седые блёстки. Однако, в отличие от большинства молодых мускулистых мужчин с их лёгкими и точными движениями, Драганов делал всё неспешно, веско и подчёркнуто основательно. Будто каждое его движение было заранее им продумано и имело свою цель. Да и все черты шефа – мощный угловатый череп с сильно выдающимися надбровными дугами, широкие скулы, тяжёлый квадратный подбородок, глубокие вертикальные борозды возле углов рта и даже плотный ёжик негнущихся русых волос – источали целеустремлённость, холодный расчёт

и непреклонную волю. Но ярче всего передавали незаурядный характер Драганова его горящие глаза цвета стального лезвия в солнечный день. Ходил он по своему лабораторному хозяйству нарочито неспешно, шаркая по линолеуму старыми, разношенными башмаками без шнурков, заглядывая в каждую щель и распекая сотрудников за нерадивость. И сотрудники его, слышав характерное шарканье, моментально вытягивались в струнку и немели. Лаборатория Драганова славилась жёсткой дисциплиной и высокой продуктивностью. Статьи с его соавторством регулярно появлялись в центральных отечественных, а порою и в солидных зарубежных журналах.

Заломов попал в Институт по распределению, а лабораторию Драганова выбрал прежде всего из-за высокого уровня её технического оснащения, да и имя шефа было ему хорошо известно. Однако не ради быстрой карьеры приехал Заломов в Сибирь. Просто за несколько лет студенчества ему осточертела жизнь в огромном неуютном, перенаселённом, вечно сером городе с его слякотью, грязью, мраком и социальными контрастами. Его раздражали даже дворцы, наполненные золотом и шедеврами искусств, и он страстно хотел уехать куда-нибудь за Урал, туда, где яркое солнце и яркие звёзды, чистый воздух и чистый снег.

В Новоярском Городке Заломов нашёл всё, о чём мечтал: и голубое небо, и девственно-белый снег, и лёгкий прозрачный воздух, и новое, ещё не вполне обжитое здание Института. Приехал он сюда в конце декабря и получил крошечную, но отдельную комнату в общежитии в двадцати минутах спокойной ходьбы от Института. Окно его комнатки выходило на глубокий овраг, поросший осинами и берёзами, а за оврагом темнел лес, казавшийся дремучим и таинственным. Впрочем, пейзажем за окном Заломов любовался редко, потому что всё светлое время суток проводил в лаборатории.

Из опыта прежней жизни он знал, как много времени может поглощать пустая болтовня, как быстро тема разговора покидает деловую почву, чтобы блуждать по вязкому болоту извечных российских проблем. Эти разговоры с молодыми диссидентствующими интеллектуалами уже давно ничего ему не давали, похищая главное – время, которое хотелось посвятить чему-то важному и для себя, и для людей. Вот почему на новом месте Заломов решил жить незаметно, контактируя лишь с теми, кто был совершенно необходим для работы. Этому, как ни странно, поспособствовал и сам Егор Петрович. Его обширное лабораторное хозяйство привольно раскинулось в полупустых кабинетах первого этажа, но шеф поместил новичка поодаль от своих сотрудников, в маленьком кабинете на нулевом цокольном этаже. Так по воле случая получил Заломов желанную его сердцу тишину и избавился от необходимости вести бесконечные разговоры с приятелями и «друзьями», так легко возникающими в молодости. Приведя нового сотрудника на его рабочее место – в полутёмную комнатку с узеньким, зарешёченным оконцем, наполовину засыпанным снегом, – Драганов изрёк своё трудовое напутствие: «Вот вам, Владислав Евгеньевич, прекрасное лабораторное помещение, вот вам и подобающее оборудование. Работайте! Ни минишефов, ни лаборантов вам не положено. Сами понимаете, направление новое, непроработанное. Я должен минимизировать потери, ежели вдруг что-то пойдёт не так, или ежели – не дай-то бог! – мы с вами не сработаемся».

Но самый первый разговор с шефом произошёл чуть раньше – 24-го декабря. За окном драгановского кабинета бушевала вьюга, и голая обледенелая плеть старой берёзы то и дело звонко ударяла по оконному стеклу. В просторном помещении было не слишком тепло, но Егор Петрович был одет легко – вельветовые чёрные джинсы да какая-то простенькая крапчатая рубашка с глубоко расстёгнутым воротом и закатанными до локтя рукавами. О том, как учёный поддерживал свою прекрасную физическую форму, можно было догадаться по скалке и тяжёлым десятикилограммовым гантелям, явно недавно брошенным в дальний угол; да и запах кабинета заставлял Заломова припомнить уже подзабытую атмосферу спортзала. Об активной жизненной позиции шефа свидетельствовали и картинки на стенах. Более всего

привлекали внимание большие глянцевые портреты членов Политбюро, приколотые канцелярскими кнопками к длинной деревянной рейке. Несколько неожиданно замыкал эту галерею портрет маршала Жукова в парадном мундире и при всех орденах. А к противоположной стене была плотно прибита (или даже намертво приклеена) довольно странная картина – красочная карта-схема, отражавшая территориальный рост Московии и её правопреемниц за последние семь столетий. В небольшом застеклённом шкафу стояло несколько сверкающих никелем и позолотой спортивных кубков, по-видимому, когда-то завоёванных хозяином кабинета.

В ходе их первого разговора шеф поведал Заломову свою сокровенную идею, можно сказать, мечту. Но о ней речь зашла не сразу; сначала Егор Петрович подробно и по-отечески заботливо осведомился о получении подъёмных, об устройстве в общежитии и о прочем в том же роде. Затем шеф коснулся климата и природы Городка. Оказалось, он очень гордился и лесами, и снегами, и длинной морозной зимой, и коротким жарким летом. Таков уж человек. Практически все мы со «странною любовью» (как когда-то подметил М.Ю.Лермонтов) относимся к местам, где прошли наши юные годы. Объектом этой странной любви может оказаться и степной аул, и столичный мегаполис, и полувымершая деревенька, разбросавшая свои дряхлые избы вдоль речушки, всеми забытой сразу после упадка торговли между Варягами и Греками. Заломов простил Драганову его сибирский патриотизм, ибо и сам имел сходные слабости.

Шеф продолжал расписывать суровые прелести местного климата, а мысли Заломова улетели во времена его детства, на Юг Ленинградской области, на низкие берега его любимой речки. Со времён отступления Великого ледника переносила она свои чистые воды из одного небольшого озера в другое. И он снова увидел тот проплывавший мимо широкий лист кувшинки, на котором сидела синяя стрекозка, заложив за спину прозрачные крылышки с тёмно-синими пятнами. Эти синие стрекозки его страшно привлекали и своею красотой и тем, что летали, порхая, как бабочки, и, как бабочки, умели складывать крылья за спиной. Появление красавицы-стрекозки, спокойно плывущей на своём роскошном зелёном плотике, вызвало у 11-летнего Заломова страстное и нелепое желание добраться до неё. Но та была слишком далеко, и она уплывала. И вот тогда-то и метнул он в неё свою удочку. Почему и зачем? – навсегда осталось для него загадкой. Стрекозка вздрогнула и улетела, смешно маша своими легчайшими сине-пятнистыми крылышками. Инцидент, что называется, был исчерпан, но теперь рядом с опустевшим листом кувшинки плыла и рыболовная снасть Заломова. Вскоре быстрое течение вынесло удочку на перекаат, где она и застряла, запутавшись в густой водяной траве.

Чтобы добраться до удочки, он зашёл в воду и скоро понял, что речка глубже, чем ему представлялось. Пришлось плыть, и тут случилось непредвиденное – водяная трава почти мгновенно оплела его руки и ноги. После краткой и бурной попытки вырваться из травяных пут Заломов с ужасом осознал, что не может дотянуться ртом до поверхности. Оставалось лишь опуститься на дно и, хватаясь за пучки речной травы, подтягивать своё тело к берегу. Нужно было преодолеть под водой каких-нибудь семь-восемь метров, и он преодолел их, истратив все свои силы и весь свой кислород. Он плохо помнил, как выполз на берег и рухнул на жёсткую осоку. Отдышавшись, добрался до сухого места и лёг на живот на самом краю обрывистого берега. Взгляд мальчика упал на воду, и... перед ним открылся новый, дотоле неведомый мир подводной жизни реки: жёлтое дно, освещённое вечерним солнцем, длинные изумрудные ленты речной травы, бурые раковины бесконечно медленно ползущих беззубок. Вдруг он заметил, что возле большого куста водяной травы, среди её змеевидных стеблей, находящихся в непрерывном колебательном движении, есть нечто зелёное, узкое и совершенно неподвижное – это была небольшая щука. Совсем рядом с нею крутилась стайка мелкой плотвы. Глупые рыбки то приближались к щучке, то отдалялись от неё, но та оставалась совершенно неподвижной. Заломов просто обомлел от волнения. Восторг наблюдателя слился с бешеным охотничьим

азартом. Он не понимал, чего ждёт щука, да и видит ли она плотвичек, мельтешащих прямо перед её носом. Несколько минут ситуация под водой не менялась: щука оставалась на своём месте, а мирные рыбки плавали взад-вперёд вблизи хищницы. Наконец он засёк тот молниеносный бросок узкого тела и увидел, как сверкнул на солнце серебряный бок жертвы, и как брызнули во все стороны обезумевшие от ужаса плотвички. Щучка тоже куда-то пропала.

Заломов был потрясён именно этой подсмотренной картиной подводной жизни реки, а всё пережитое в борьбе с речной травой осталось в его памяти лишь эпизодом, предварившим неизмеримо более важное событие. Весь остаток каникул в то лето провёл он, лёжа на берегу речки и следя за всеми её обитателями – от улиток и пиявок до рыб и водяных крыс. Вспоминая свои школьные каникулы, чаще всего он видел прозрачную воду и дрожащие серые тени рыб на желтоватом песчаном дне.

В школе Заломову нравились многие предметы, но на каникулах он погружался в мир биологических грёз. Тысячи однодневок, парящих в светлом воздухе белых ночей, напоминали о краткости жизни, и он мечтал, как было бы здорово научиться задерживать старение. «Ведь наша жизнь, – рассуждал он, – фактически химический процесс, этакая долго длящаяся химическая реакция. Почему бы не попытаться её замедлить, или даже почему бы не попробовать обратить её вспять? И тогда можно было бы омолодить бабушку. Но если жизнь каждого отдельного живого существа – химическая реакция, то и вся жизнь на планете Земля – тоже химическая реакция, непрерывно текущая в течение многих сотен миллионов лет». Эта мысль одновременно и поражала, и забавляла. Он смотрел на окружающие его формы жизни и пытался представить, как могли какие-то первозданные медузы превратиться во всех этих бесчисленных и таких невероятно разных тварей, населяющих окрестные водоёмы, луга, леса и поля. Временами, особенно по утрам по дороге к речке, у него мелькала уж совсем странная мысль: почему эта речка, и кувшинки, и водяная трава, и все эти странные существа, что прыгают, ползают и летают вокруг него, кажутся ему прекрасными? почему он любит их? А в последнее безмятежное каникулярное лето между девятым и десятым классами добавилась новая группа вопросов: как работает сознание? что такое думать и понимать? как возник разум? Именно тогда впервые и прорезался у Заломова его внутренний голос. Как хороший шахматист разыгрывает в своём воображении бесконечные партии, играя попеременно за белых и за чёрных и подчас забывая, где он и где противник, так и Заломов вёл бесконечные споры со своим воображаемым оппонентом. Роль оппонента обычно брал на себя его двойник, его внутренний голос.

Очнувшись от воспоминаний, Заломов снова оказался в кабинете крупного сибирского учёного. Тот молчал и напряжённо смотрел на стакан чая с домашним вишнёвым вареньем, невесть откуда взявшимся в этих суровых краях. За время затянувшейся паузы Драганов несколько раз делал значительное лицо, буравил невидящим взором потемневшее окно, но ничего не произносил. Всё предвещало приближение главной части беседы.

– Сейчас в мире стремительным темпом развивается генетика, – зазвучал хриплый бас Драганова. – Нет смысла объяснять вам значение этой науки в недалёком будущем. Однако для покорения генов нам необходимо знать, как они устроены, и, главное, где находятся регуляторы их активности. Поняв это, мы сможем вводить любой ген в любой организм и заставлять тот ген на нас работать. Вы представляете, что тогда начнётся? – жёсткий хрип шефа зазвучал ещё жёстче. – Например, кому-то не хватает ума – так добавим ему пару генов ума. Не хватает таланта – и тут что-нибудь подыщем. И наоборот, у шибко шустрых можно некоторые гены и поослабить, а у витающих в облаках, – шеф коварно осклабился, будто увидев перед собою тех, особенно ему несимпатичных «витающих в облаках», – хорошо бы кой-какие гены чуток... э-э зарегулировать, чтоб и витающие в облаках знали положенное им место. Это же абсолютно!

– Вы спросите меня, – продолжал Драганов, – а что надобно сделать, чтобы приблизить решение столь великой задачи? И я вам отвечу: надобно найти новые подходы к вскрытию тонкой структуры генов – быстрые и дешёвые. Проще всего решать эти задачи на плодовой мушке дрозофиле. На её изучение и брошены сейчас основные силы западной биологии. Но ведь и мы, Владислав Евгеньевич, не дремлем. Вы, конечно, отметили, что и в моей лаборатории дрозофила является главным экспериментальным объектом. И вот недавно в моей голове родилась одна весьма перспективная мыслишка, которая, я уверен, позволит нам обогнать америкашек, даже не догоняя, даже не срезая углов на поворотах.

Драганов, не торопясь, допил чай, подцепил ложечкой прилипшую ко дну стакана вишенку и степенно перенёс её в рот. Покончив с вишенкой, он наконец приступил к изложению своей «перспективной мыслишки»:

– Как-то раз наблюдал я такую картину: в мушиный корм, в котором ёрзали личинки дрозофил, совершенно случайно, видимо, по ошибке лаборантки, попал краситель лилового цвета. Сейчас я не скажу вам, какой это был краситель, – Драганов бросил взгляд на собеседника, проверяя, следит ли тот за ходом его мыслей. – Вы же знаете, как питаются личинки мух. Они отрыгивают в корм свои пищеварительные соки, а продукты переваривания снова заглатывают. И вот я заметил, что поначалу мушиный корм был лиловым, а через пару дней цвет пропал. Ну, теперь-то вы понимаете, к чему я клоню?

– Пока нет, – простодушно ответил Заломов.

– Вот, что значит настоящая идея! Она выглядит совсем не очевидной! Это же абсолютно! – Драганов встал, скрестил руки на груди и медленно двинулся вдоль глянцевых плакатов с приукрашенными и омоложенными лицами кремлёвских небожителей. Дойдя до портрета Георгия Жукова, он остановился, поднял свой тяжёлый взор на ордена, покрывающие широкую маршальскую грудь, и захрипел: – Так вот, Владислав Евгеньевич, нет сомнений, что в данном случае у дрозофилы нашёлся ген, действие которого привело к обесцвечиванию лиловой краски. Понятно, что ежели тот ген повредить, попросту говоря, испортить, то личинки потеряют способность разлагать красящее вещество, и цвет мушиного корма останется прежним, скажем, тем же лиловым. Ну так как, коллега? – Драганов повернулся к Заломову, – теперь-то вы начинаете улавливать?

– Кажется, начинаю.

– Ну, слава богу! Уж извините, ежели не слишком доходчиво излагаю, но, мне кажется, проще уж некуда. Итак, сперва мы подбираем краситель, который легко разлагается пищеварительным соком личинок. Затем облучаем мух жёстким рентгеном и находим мутантов, утративших способность отбеливать цветной корм. Ясно, что у них будет повреждён некий ген, ответственный за разложение нашего красителя. Так же ясно, что у части мутантов повреждение затронут регуляторный район того гена. Ваша задача, дорогой коллега, – составить подробную карту именно этого – самого важного для нас генного района. Ведь изучив его, мы сможем управлять работой гена, сможем включать и выключать его по нашему произволу. Ну, теперь-то вы всё усекли?

– Пожалуй, да, – ответил Заломов сухо, не восторженно. – Но вы не объяснили, как мы отличим мутантов по регуляторному району от всех прочих?

– А вот это, Владислав Евгеньевич, уже не ваша забота. Как говаривал академик Иван Петрович Павлов, главное в научной работе – последовательность. Ваше дело – получить мух, потерявших способность отбеливать цветной корм. А когда их наберётся хотя бы с полсотни штук, вот тогда мы и поговорим о ваших дальнейших действиях.

Грубоватый стиль шефа смутил и насторожил Заломова. По его мнению, руководитель должен знакомить своего сотрудника со всеми этапами предстоящего исследования. Проскочила неприятная мысль, что влип, и что его ждёт тоскливая работа технического лаборанта.

– Говорите, поняли, ну и на том спасибо, – шеф, вынул из нагрудного кармана рубашки пачку дешёвых сигарет и закурил. – На настоящий момент ваша задача состоит в следующем: вы должны быстрёхонько проанализировать три-четыре десятка разных красителей и выбрать из них два-три образца, наиболее подходящих для дальнейшей работы.

Заломов задумался.

– Стало быть, мне нужно освоить химию красителей, а это непростая область, и пока я в ней совсем не разбираюсь. И ещё. Вы полагаете, что за обесцвечивание одного красителя отвечает только один ген, а вдруг их больше?

Драганов шагнул в сторону Заломова и остановился под портретом Михаила Горбачёва, недавно введённого в состав Политбюро.

– Кажется, я вас не убедил. Но для начала мне бы хотелось, чтобы вы учли одно немаловажное обстоятельство, которое вам надлежит хорошенько усвоить, – шеф выдержал театральную паузу. – Моя интуиция, Владислав Евгеньевич, абсолютна и ещё ни разу, нигде и никогда меня не подводила. И кстати, я буду не я, ежели этот ставропольский паренёк, – шеф мотнул головой в сторону портрета Горбачёва, – не станет в недалёком будущем нашим очередным генсеком, – хищная самодовольная улыбка застыла на скуластом лице сибиряка, обнажив два ряда крепких, ещё не знакомых с бормашиной, желтоватых зубов. – Ну, дак как, коллега? Соглашаетесь поработать с красителями?

Не услышав мгновенного положительного ответа, Драганов помрачнел, медленно подошёл к столу и с силой раздавил недокуренную сигарету о квадратную хрустальную пепельницу. Затем протиснул обе руки в карманы вельветовых джинсов, плотно облегающих его мощные кривоватые ноги, и повторил вопрос: «Ну дак вы согласны?» – «С такими ногами только мустангов укрощать», – мелькнуло у Заломова. После лёгкой задержки он ответил: «Боюсь, у меня нет выбора».

Такой ответ дал понять Драганову, что «молокосос» (именно так окрестил Егор Петрович своего нового сотрудника) имеет наглость не быть в восторге от его лучшей идеи. «Ничего, – успокоил себя учёный, – стерпится – слюбится. Мал ты ещё со мною тягаться. Поживёшь – поумнееешь. Однако ж за этим носителем питерских замашек нужён глаз да глаз. К чему мне неуправляемые кадры?».

В картинном раздумье Драганов подошёл к окну. Зловещий зеленоватый свет ртутного фонаря выхватывал из заоконной тьмы снежные вихри и ходящий ходуном светлый ствол старой берёзы. Жестокий ветер швырял из стороны в сторону плети гибких ветвей, казалось, горя желанием оголить несчастное дерево. Такая картина могла отвлечь от мирской суеты кого угодно, но только не Егора Петровича. Он не видел ни берёзы, ни её страданий. Что-то подсказывало опытному руководителю, что молокосос может нарушить расстановку сил в его лаборатории, и правильнее всего от него сейчас же избавиться. Но этого плюгавого пацана порекомендовал ему сам Сытников. И тут Драганова осенило: «А не поместить ли молокососа на годик-другой в изолятор, чтоб он всего стада мне не перепортил?» Соломоново решение успокоило учёного. Он повернулся к подчинённому и, смерив его не слишком любезным взглядом, холодно процедил:

– Что-то энтузиазма не замечаю. Ох, Владислав Евгеньевич! Ох, как бы мне хотелось с вами сработаться! – а каменное выражение лица шефа яснее ясного говорило: – И не думай брыкаться, и не таких обламывал.

ПОХОД В ЛЕС

Вот, что вспомнилось Заломову в то субботнее утро. Настроение его оставалось неважным. Проблема оболыщения Анны по-прежнему выглядела неразрешимой. От безысходности он дал волю своей фантазии, и вскоре его внутренний голос изрёк: «Нужно сделать крупное открытие, и тогда Анна увидит, с каким замечательным человеком её столкнула судьба, и, конечно, тут же в него влюбится». Нелепость этой «идеи» была очевидной. Заломов был уверен, что работа с красителями не приведёт его к серьёзному открытию. В лучшем случае он получит материал для добротной статьи в хорошем журнале. И это всё!

Он бросил рассеянный взгляд на широкий мир за окном и отметил, что вид лесного массива за оврагом изменился. Ещё вчера там преобладали мрачные цвета, от серого до тёмно-бурого, а сегодня лес будто подёрнулся нежной жёлто-зелёной кисеей. «Так это развёртываются распетые молвой первые клейкие листочки», – догадался Заломов. Он открыл окно настежь, и прохладный воздух, напоённый эфирными маслами лопающихся древесных почек, ворвался в его комнатку. Влюблённость и весенние запахи сделали своё дело – его неудержимо потянуло на природу.

Он перешёл мостик, перекинутый через овраг, и углубился в давно манивший его лес. Ноги легко несли Владислава по дорожке, устланной мягкой сосновой хвоей, и душа его пела в радостном предвкушении встречи с чем-то неожиданным и прекрасным. Вскоре дорожка резко пошла под уклон, и он оказался на южном склоне долины, на дне которой вилась узенькая речушка, вернее, крупный ручей. Вся нижняя, безлесная, часть склона была покрыта пурпурным ковром из каких-то цветов. Яркое зрелище привело Заломова в эйфорическое состояние, будто он в окружении улыбающихся молодых женщин выпил бокал шампанского. Так вот они долгожданные цветы Сибири! Он сбегал вниз к цветам и сел на тёплую землю, чтобы лучше рассмотреть её покров. Это были медуницы, миллионы медуниц! А ароматный весенний воздух гудел от крупных чёрно-жёлтых шмелиных маток, грузно перелетавших от цветка к цветку.

Ручей ещё не вошёл в свои берега, и его избыточные воды с громким журчанием преодолевали преграду из стволов и ветвей прибрежных ив. В молодом соснячке на берегу ручья обосновалась колония дроздов-рябинников. Самки вели себя тихо и скрытно, только хвосты их торчали из гнёзд, а вот самцы, засевшие на верхушках высоких берёз, пытались напугать возмутителя птичьего покоя, громко треща и скрипя своими голосовыми аппаратами. Ничего не добившись одним шумом, самцы принялись пикировать на пришельца, стараясь прицельно поразить его экскрементами. Такая тактика дроздов-охранников принудила Заломова к позорному бегству.

Он решил вернуться в Городок прямо через лес. Земля здесь была ещё сырой, кое-где в ямах лежал грязный снег. Он быстро шёл, стараясь держаться взятого перед входом в лес направления. Что называется, шёл по лесу, не видя деревьев. «Куда же ты всё время спешишь? – раздалось в голове Заломова. – Да ты взгляни хотя бы на эту старую сосну». И тут, будто пелена спала с его глаз, и он увидел её. Да, сосна была великолепна. Он не удержался и погладил бурую бугристую кору, разорванную на полосы и островки раздавшимися вширь неохватным стволом. Потом, запрокинув голову, проследил, как с высотой сосновая кора изглаживается и светлеет, превращаясь на уровне первых живых ветвей в подобие золотой фольги, сверкающей под лучами высокого весеннего солнца. Никакой шедевр Эрмитажа не вызывал в душе Заломова такого сильного и такого радостного переживания! И вдруг грустная мысль приглушила этот восторг: «Почему же русские так гордятся своими снегами и морозами, когда на деле лишены счастья любоваться живой природой целых шесть месяцев в году? Чем тут гордиться? Это же большое национальное несчастье!»

Через полчаса он уже был дома. После прогулки по весеннему лесу любовная тоска его заметно притупилась, и к тому же он изрядно проголодался. Однако вскоре от этих чувств не осталось и следа. Удар судьбы был нанесён в душевой комнате. Раздевшись, Заломов обнаружил на своём теле маленького быстро бегающего клеща с чёрными лапками и бордовой спинкой. «Боже, *Ixodes persulcatus!*», – прогремел в голове страшный диагноз. Увы, это был он – печально знаменитый переносчик весенне-летнего клещевого энцефалита. Конечно, Заломова предупреждали о существовании в местных лесах этих опасных тварей, но в характере Владислава была одна странная черта – он слишком критично, а порою даже пренебрежительно, относился к мнению большинства. Будто какая-то поперечная сила, затаившаяся в таинственных, воспетых поэтами и психоаналитиками глубинах души, толкала его не идти в ногу со всеми. Доходило до смешного: например, он отказывался читать модные романы, вызывающие восторг у окружающих, а оказавшись в незнакомой местности, упорно стремился попасть из пункта *A* в пункт *B* по прямой и потому частенько натёкался то на непроходимое болото, то на часового, охранявшего какую-то запретную зону. Вот и теперь характер снова подвёл его. Слава богу, клещиха ещё не успела найти на его коже самое тонкое, самое лакомое местечко, и он избежал вполне вероятной перспективы подцепить энцефалит и распрощаться с мечтами о серьёзных достижениях в науке.

Как ни странно, но прогулка по лесу и счастливое спасение от клеща в корне изменили настроение Заломова. Тоску по Анне как рукой сняло. «Вот и говори после этого, что любовь – самое важное в жизни, – проснулся внутренний голос. – И вообще, откуда взялось в нашей культуре такое сверхпочитание любви? Ведь ясно же, что, к примеру, проблема голода куда важнее. Испокон веков основные усилия человечества были направлены на увеличение производства продуктов питания – в итоге появились сложные технологии, способные накормить миллиарды. Естественно, за достигнутый прогресс пришлось заплатить трудовой дисциплиной и, стало быть, немалой потерей личной свободы. А вот для получения брачного партнёра ничего особенного придумывать не надо – природа сама позаботилась об обеспечении одного мужчины одной женщиной, так что практически каждый из нас может позволить себе романтику поиска своей половины. А может быть, воспеваемое всюду и во все века стремление человека к свободе ассоциируется с оставленной ему свободой выбора полового партнёра? Может быть, именно потому так и любезна любому из нас любовь?» – «Да нет же, то, что остроумно, обычно неверно, – возразил своему внутреннему оппоненту Заломов. – Просто любовь неразрывно связана с одним из самых сильных наслаждений, доступных нам в этой жизни».

Во время урока в школе для вундеркиндов он старался как мог. В непрофессиональной аудитории можно было позволить себе роскошь свободной импровизации. Говорил с подъёмом, обильно пересыпая речь словечками из студенческого жаргона. Анна сидела за столиком на последнем ряду и улыбалась. Вдохновлённый этой улыбкой Заломов попытался широкими мазками набросать картину генной регуляции у многоклеточных. Особое внимание уделил проблеме содержания в геноме большого количества негенного материала. Более того, он даже позволил себе некоторые фантазии относительно назначения этой вроде бы лишней ДНК. И чем смелее он фантазировал, тем ярче сверкали глаза учеников, и тем серьёзнее становилось лицо молодой учительницы на последнем ряду. «Интересный парень, – думала Анна, следя за лёгким полётом мыслей Заломова, – с виду, можно сказать, никакой, но как хочется узнать о нём побольше. Вот и школьнички мои уже им очарованы. Да, с этим типом стоит познакомиться поближе».

После урока Анна завела Заломова в пустую классную комнату.

– Прежде всего, Владислав, позвольте мне называть вас Владом. Тяжеловесное древнеславянское имя вам явно не подходит.

– Ради бога, Анна. Честно сказать, оно и мне не нравится.

– Прекрасно. Так вот, Влад, сомнений нет, у вас явный педагогический дар. Вам удалось подкупающе просто изложить ужасно сложный материал.

– Спасибо, Анна, а, между прочим, не заинтересовал ли этот материал и вас самих?

– Признаюсь, ужасно заинтересовал. Слушая вас, я поняла, что сделать из мухи слона не так уж невозможно. Нужно лишь изменить уровень работы нескольких ключевых генов. До меня вдруг дошло, какая власть может быть дана одному способному, энергичному и смелому генетику.

– Вы любите власть? – снагличал Заломов.

Недоумение застыло на побледневшем лице девушки. Она лихорадочно сканировала свою память, пытаясь отыскать в её глубинах ответ на этот неожиданный вопрос. «Пожалуй, власть для меня, действительно, безразлична», – подумала она, вспомнив, как мать недавно назвала её характер деспотичным. Мысли Анны на мгновение коснулись того инцидента: «Конечно, мать слегка перебрала. Я могу согласиться, что мой характер жестковат, что я, пожалуй, слишком требовательна к близким, но это всё же лучше, чем вообще не иметь характера». После краткой задержки она ответила:

– Ох, ради бога, Влад, извините за неудачные слова. Лучше расскажите что-нибудь о вашей работе, о ваших достижениях и планах. А впрочем, я всё равно ничего не пойму. Сначала дайте мне что-нибудь почитать. Какие-нибудь обзоры, полупопулярные и даже популярные книжки. Ну, вы понимаете, *что* я имею в виду.

– ОК. Я могу дать вам кое-что хоть сейчас.

Заломов извлёк из своей объёмистой сумки пару книг, несколько журналов и оттисков.

– Вот вам информация для заправки.

– Благодарю вас, – улыбнулась Анна, и в её голосе он уловил призывно звучащий грудной тембр.

Заломов вышел на улицу и направился к лесной тропинке, ведущей к Институту. При входе в лес обернулся – Анна стояла у окна классной комнаты и улыбалась. Он махнул ей рукой – она ответила тем же. Душа Владислава запела, и её радостный настрой не могла испортить даже нелепая метель, разыгравшаяся прошлой ночью. Нежданный снег запорошил и весенние цветы, и стрелки хвощей, и ожившие было муравейники. Вдруг он уловил слабый, но очень приятный цветочный аромат – возле лесной дорожки стояла, широко разбросав свои чёрные ломкие ветви, приземистая черёмуха; грозди её цветов были накрыты аккуратными колпачками из снега. «Ага, вот и причина внезапного похолодания – черёмуха зацвела, – усмехнулся Заломов, вспомнив это замечательное свидетельство народной мудрости. – Ведь ясно же, что сезон цветения черёмухи просто совпадает с периодом частых «возвратов холодов», но народ (который якобы всегда прав) усмотрел тут причинно-следственную связь. Впрочем, для невежественного крестьянина такая логика вполне обычна, но почему в необыкновенное (даже сверхъестественное) холодильное свойство цветущей черёмухи верят многие хорошо образованные люди, особенно, женщины? Как это у них получается? И вообще, что заставляет шикарных столичных дам с университетским образованием верить во что угодно? Особенно популярен у них миф о таинственной биоэнергии, которую якобы можно терять или приобретать при контактах с людьми, домашними животными, деревьями, комнатными растениями и даже камнями». С этими мыслями Заломов подошёл к Институту. На гладкой заснеженной поверхности институтского газона стояли, как бокалы с вином на белой скатерти, замороженные красные и жёлтые тюльпаны.

УЧЁНЫЙ СОВЕТ

В институтском вестибюле висело объявление, приглашавшее сотрудников в три часа на заседание Учёного совета. Единственным пунктом его программы был доклад члена-корреспондента М.И.Пивоварова – «О влиянии кратковременной холодовой обработки на экспрессию генов млекопитающих». Тема доклада заинтересовала Заломова. Без пяти три он уже сидел в конференц-зале и разглядывал одиноко висящий на стене большой портрет недавно умершего академика Желтухова – выдающегося генетика, когда-то сосланного всевластным Трофимом Лысенко в Среднюю Азию учить чабанов разводить шелковичных червей.

Пока Заломов перебирал в памяти основные вехи научной биографии Желтухова, зал быстро заполнялся. Наконец появились трое солидных мужчин, которые с подчёркнутым достоинством вошли на подиум и по-хозяйски расселись за столом президиума. Центральное, председательское, место занял директор Института академик Старовалов. Это был невысокий лысый старик со скуластым мужицким лицом. Всю жизнь он занимался генетикой плодовых деревьев, правда, о его достижениях Заломов не имел ни малейшего представления. Справа от директора расположился его заместитель, членкор Маслачеев – шуплый слабогрудый мужчина с меньшевистской бородкой и прилизанными волосами невыразительного серого цвета. Об этом учёном муже Заломов немного знал, потому что слышал его доклад в Ленинградском университете. Тогда Маслачеев на основании довольно мутных экспериментальных свидетельств выдвинул сверхреволюционную гипотезу о том, что гены являются источником каких-то «информационно-силовых полей», по которым якобы распространяются какие-то «морфогенетические волны», управляющие развитием зародыша. Столь странные идеи консервативная университетская публика, конечно же, приняла в штыки, но это ничуть не смутило докладчика. Он преспокойно выслушал все язвительные вопросы и замечания и объяснил неверящим скептикам, что пока не может «по известным причинам» привести свои главные аргументы. Забавно, что после такого объяснения аудитория успокоилась, и никто из трёх сотен человек, сидевших в зале, не осмелился поинтересоваться, о каких-таких «известных причинах» шла речь.

Учёный муж, занявший место слева от председателя, имел весьма импозантную внешность – выбритый до блеска череп, чёрная с проседью борода веником и огромный рост при соответственной комплекции. Такими принято изображать в детских книжках капитанов и боцманов пиратских кораблей, не хватало разве кривого ножа в жёлтых прокуренных зубах. Однако должность бородача была самой мирной – он был институтским учёным секретарём. Титул «учёный секретарь» у Заломова почему-то ассоциировался с пушкинским «кот учёный», в обоих словосочетаниях слышалось нечто несерьёзное. Правда, он знал, что маститые учёные считают должность учёного секретаря весьма значительной, но почему они так считают, Заломову ещё было неясно.

Вдруг в зал энергично вкатился маленький, седенький и весь какой-то скукоженный старичок. Не поднимая головы, он быстро вскарабкался на подиум и сел левее учёного секретаря. Сразу после этого директор встал и объявил: «Марат Иванович, просим порадовать нас вашими очередными достижениями. Надеюсь, тридцати минут вам хватит?» – «Хватит и того меньше!» – бодро отозвался скукоженный старичок и проворно запрыгнул на трибуну. Он выразительно откашлялся, стукнул пару раз по микрофону, подпёр левой рукой подбородок и заговорил удивительно проникновенным, доверительным тоном. «Вот он пивоваровский интим!» – услышал Заломов громкую реплику усатого пожилого мужчины, который сидел вблизи задней двери конференц-зала и бесцеремонно курил. Голубой дымок от его папиросы красиво струился над головами сотрудников.

Заломова слегка удивило высокое мнение Марата Ивановича о себе. Уже в начале доклада он со смущённой улыбкой поведал, что многие отечественные организации и даже некоторые зарубежные фирмы «норовят вырвать» из его рук «свежие, ещё не успевшие остыть результаты». Чуть позже он снова без ложной скромности отметил, что представители крупных медицинских центров стоят в очереди у дверей его кабинета, мечтая заполучить «право первой ночи» на испытание его последних разработок, «способных избавить человечество от непереносимых страданий». Сначала результаты сутулого старичка произвели на Заломова впечатление чего-то маловероятного, но всё-таки возможного. Однако через сорок минут доклада общая масса новизны превысила все разумные пределы. Сотрудники (точнее, молодые сотрудницы) Марата Ивановича работали с линией пегих мышей, у которых по серому меху были разбросаны разной величины белые пятна. Оказалось, что если беременных мышей этой линии поместить на десять минут в морозильную камеру, то их потомки живут чуть дольше матерей. Но это не всё. Из ряда таблиц, диаграмм и фотографий следовало, что у мышей, переживших в чреве матерей краткую искусственную зиму, мех стал чуть гуще. Более того, их мех в целом слегка посветлел, ибо белые пятна на мышьяной шкурке стали чуть крупнее. Но самое интересное – новые свойства передались следующему поколению. Все эти удивительные вещи Марат Иванович оттрактовал, как «появление *de novo*» приспособлений для жизни на Севере. Правда, величина замечательных эффектов не превышала пяти-семи процентов, а полноценная статистическая обработка почему-то отсутствовала. Когда же докладчик заявил, что его «медленно стареющие» мыши отличаются от контрольных одиночек по активности почти каждого из дюжины случайно выбранных ферментов, Заломову пришло на ум, а уж не находится ли он на грандиозном розыгрыше.

Доклад закончился, начались вопросы. С мрачной серьёзностью местные светила спрашивали относительно весьма незначительных деталей. Например, сколько весили контрольные мыши и сколько опытные. Какова была дозировка тех или иных лекарственных препаратов. Впрочем, нашёлся один молодой человек в дырявом халате, который всё-таки осведомился о статистической значимости результатов. Говорил он тихо и сбивчиво, и в зале возник недовольный шум. Марат Иванович ответил ему тоном старшего товарища: «Сходные результаты мы получаем из опыта в опыт, и в таких случаях статобработка совсем не обязательна». Косноязычный молодой человек остался явно недоволен, но директор махнул ему рукой, чтобы сел, и тот нехотя опустился на полумягкое откидное сидение, что-то бурча под нос. Были ещё вопросы, относящиеся к технике эксперимента, но никто не обратил внимания на глобальные следствия, вытекавшие из данных, представленных сутулым старичком и его не вполне оперившимися помощниками.

И ещё заметил Заломов, что в течение всего доклада президиум жил своею собственной, весьма напряжённой и, по-видимому, весьма содержательной жизнью. Директор разговаривал со своим заместителем, к обоим учёным то и дело подходили какие-то люди и подавали им какие-то бумаги. Руководители Института на виду у всех эти бумаги просматривали и что-то на них писали. Нередко членкор Маслачев почти прижимался губами к правому уху директора, и тогда тот (видимо, получая ценнейшую информацию) загадочно улыбался. Иногда входил в контакт с директорским ухом (на сей раз левым) и учёный секретарь. И эта информация доставляла академику Старовалову явное удовольствие. Поразительно, но великих людей на подиуме ничуть не заботило, что рядом с ними подрываются устои науки, которой они, вроде как, посвятили свою жизнь. Наконец директор обвёл мутным взором зал и предложил желающим «высказаться».

Первой поднялась на трибуну седовласая дама, которая голосом опытного лектора поздравила Марата Ивановича с новым глубоким исследованием, порекомендовав ему, впрочем, обратить пристальное внимание на странные колебания веса контрольных животных.

Затем, к удовольствию Заломова, на трибуну взгромоздился Кедрин. Обхватив трибуну обеими руками и задрвав к потолку свой аристократический профиль, институтский Демосфен принялся расхваливать докладчика. Надо отдать должное Аркадию Павловичу, он отметил революционный характер достижений Пивоварова, правда, в очень своеобразной форме. «Уже не редкость, – гремел драматический баритон Кедрина, – когда учёные в разных концах нашей планеты (в Европе, США, Японии, Австралии и даже в, казалось бы, далёкой от настоящей науки Бразилии) получают данные, которые не очень-то безупречно согласуются с механистической теорией Чарльза Дарвина. В этом отношении работа Марата Иваныча не выходит из ряда последних достижений эволюционной мысли. Не секрет, что и я неоднократно высказывал сходную точку зрения в беседах с профессорами Сесуму Омомото, Джузеппе Кардинелли и Мануэлем Эспинозой. Но я безмерно рад, что именно в стенах нашего генетического центра, самого передового в СССР, да и, что тут скромничать, товарищи, самого передового в мире, выполнена работа, которая ещё раз заставляет нас усомниться в безупречности ортодоксального дарвинизма.

Часто приходится слышать, что такой-то учёный прав, а какой-то другой-де не прав. Я же говорю вам: всё это пустое; люди прискорбно часто заблуждаются, полагая, что истина едина. Вспомните великую теорему Курта Гёделя о неполноте, из коей вытекает наличие принципиально недоказуемых положений в ЛЮБОЙ созданной нами аксиоматической системе знаний. Нет, дорогие коллеги, друзья и товарищи! Наиболее проницательные мыслители уже давно осознали, что истина многолика, множественна и отнюдь не однозначна. Более того, не побоюсь заявить вам с этой высокой трибуны: «На любой вопрос можно получить превеликое множество истинных ответов!» Конечно же, в принципе, данные, представленные нам сегодня Маратом Иванычем, можно с известным усилием затолкать в прокрустово ложе Дарвиновой теории. Хотя куда проще и изящнее они объясняются, если признать вслед за мудрейшим Аристотелем, за незаслуженно подзабытым Жаном-Батистом Ламарком да и за нашим гениальным соотечественником Львом Семёнычем Бергом, что... – Кедрин быстро передохнул, – что живой материи *ИММАНЕНТНО* присуща целесообразность. Ведь не секрет, что в строении каждой молекулы, каждой клетки, каждого органа обычно без труда угадывается простая и очевидная цель – служить на благо организма, делать так, чтобы он чувствовал себя вполне комфортно в среде своего обитания. Этой цели служат и все процессы, происходящие в живых телах, и даже *мутации*, – последнее слово Кедрин произнёс тем пониженным, доверительным тоном, каким опытные рассказчики описывают мистические явления. – Так, например, если среднегодовая температура внешней среды падает, то тут же появляются многочисленные мутации, защищающие организм от холода. Мне кажется, Марату Иванычу не помешало бы учесть это моё соображение. И вот такая-то бьющая в глаза целесообразность, которую мы с вами замечаем в каждом органе, в каждой молекуле, в каждой чёрточке поведения любого живого объекта, и заставляет меня призадуматься. И скажу вам прямо, незатейливо и откровенно: мне трудно отделаться от крамольной мысли, что и у эволюции есть какая-то своя, какая-то сокровенная цель. Будто и она следует какой-то программе, какому-то таинственному плану. Будто все живые тела – от бесчувственной амёбы до смышлёного шимпанзе, от ничтожной синезелёной водоросли до патриарха африканских степей баобаба – являют собою лишь краткие фазы, кратчайшие миги развёртки грандиозного творческого проекта, устремлённого куда-то ввысь, к какой-то неясной, но, несомненно, великой цели!

Кедрин сошёл с трибуны, и под жидкие хлопки аудитории энергично зашагал по центральной ковровой дорожке. Судя по ширине шага и гордо откинутой голове, Аркадий Павлович был доволен своим выступлением, и, возможно, красная полоса материи под его ногами казалась ему роскошной ковровой дорожкой Каннского кинофестиваля. Когда он достиг уровня последних рядов кресел, в зал через заднюю дверь вошёл Драганов. Вытянув перед собой правую руку, он степенно направился к летящему навстречу Кедрину. Учёные соединили

свои длани в быстром и крепком рукопожатии, после чего Егор Петрович подошёл к одному из свободных кресел заднего ряда, пошатал рукою спинку, проверяя на прочность, и уселся, привольно выбросив в проход между рядами свои мощные кривоватые ноги. А тем временем, разгорячённый светский лев, широко шагая, вышел через заднюю дверь на лестничную площадку. Вскоре оттуда донёсся его бархатный рык: «Илья Натаныч, закурить не найдётся?» – «Ну, для друга Аркадия всегда найдётся», – услышал зал не менее выразительный бас усатого мужчины, безмятежно курившего на заднем ряду.

Заломова выступление Кедрина, по меньшей мере, смутило: «Как это истина многолика и множественна? Ведь этак можно доказать всё что угодно». Однако никто – ни в зале, ни за столом президиума – заметных эмоций не выражал. Люди спокойно сидели на своих местах, ожидая продолжения стандартной процедуры. Каким-то нюхом ощутив затянувшуюся паузу, директор бросил в зал свой ничего не выражающий, осоловелый взор и, чуть привстав, объявил: «Профессор Пётр Александрович Ковдюченко».

Из первого ряда поднялся и направился к трибуне, семена короткими ножками, невысокий полненький круглолицый мужчина лет сорока пяти, одетый в комиссарскую кожаную куртку. Заскочив на трибуну, он поднял до уровня плеча зажатую в кулак правую руку, и, дождавшись гула одобрения молодых людей с задних рядов, начал свою странную речь. Говорил он с неуместным (по мнению Залоимова) эмоциональным надрывом. Конец каждого речевого периода почти выкрикивал. Слова вылетали из его круглого ротика, будто выстреливались короткими очередями из автомата.

– Товарищи! Прослушанный нами доклад лишний раз показывает, как надо работать, чтобы оставаться в течение многих лет лидером в своей области. Марат Иванович показал нам, что кратковременная обработка холодом беременных самок чётко повлияла на генную активность их потомства. Заметим, что большинство генов приплода ослабило свою активность, но некоторые гены, наоборот, заработали на полную мощность. Нет сомнений, что это как раз те самые гены, которые оказались бы востребованными в холодном климате.

Кстати, нечто подобное обнаружено и в моей лаборатории. Правда, мы работаем на несравненно более важном объекте – на крупном рогатом скоте. Мы показали, что телята, полученные от скрещивания быка холмогорской породы с холодоустойчивой коровой-якуткой, обладают уникальнейшими свойствами. Во-первых, они мохнаты, как памирские яки, и, стало быть, могут ночевать в холодных коровниках при температуре много ниже нуля. А во-вторых, наши гибриды умеют тебеневать, то есть, как вы понимаете, они умеют добывать себе корм из-под снега копытами точно так, как это делают северные олени где-нибудь на Таймыре или в Якутии. Оказалось, нашим замечательным гибридам вообще не нужны скотные дворы – их, представьте себе, вполне устраивают лёгкие навесы-настилы. И, как вы уже догадались, для них не надо заготавливать кормов на зиму! Да и отапливать те навесы-настилы, сами понимаете, нет никакого резону! Вы представляете, каков будет экономический эффект от внедрения наших холодолюбивых чудо-гибридов в колхозы-совхозы? Вот чего ждут от учёных-биологов наш народ и наша Партия! – по залу пробежала волна одобряющего шума.

Уловив поддержку аудитории, Ковдюченко повысил тон своего звонкого тенора: – И вот на примере работы Марата Ивановича мы видим, что именно в нашей стране, в нашем сибирском институте проводятся самые передовые и самые глубокие исследования в области генетики животных. – Ковдюченко бросил быстрый взгляд на руководителей Института, сидящих в президиуме, и неожиданно перешёл на визгливый фальцет: – Партия поставила перед нами ясную и чёткую цель – превратить науку в непосредственную производительную силу общественного развития. Именно в области науки, сами понимаете, и проходит в данный момент линия фронтального противостояния двух политико-экономических систем. Но, я уверен, что

с такими выверенными кадрами, как наш товарищ Марат, враг будет разбит, и победа будет за нами!», – срывая голос, завершил профессор-патриот своё выступление.

Ковдюченко стал спускаться с подиума, и тут же в конце зала гулко раздались мерные, мощные хлопки – это хлопал Егор Петрович. Его лицо было сосредоточенным и мрачным. Очень скоро зааплодировали и молодые люди на задних рядах. Их отличали широкие лица и короткие стрижки. Многие из них смеялись и что-то выкрикивали. Но Заломову было вовсе не смешно. Новое, доселе незнакомое чувство брезгливого возмущения ворвалось в его душу. Ему захотелось встать и воззвать к собравшимся: «Почему вы не стянули с трибуны этого бесноватого профессора? Почему позволили ему досказать до конца всю эту белиберду?». Но в зале никто не возмущался, а на подиуме продолжала спокойно течь прежняя параллельная жизнь. Директор, двигая губами, водил пальцем по какому-то документу, а учёные мужи слева и справа увлечённо следили за этим процессом. Наконец, будто очнувшись, директор встал и, придав своему лицу мудро-благожелательное выражение, поздравил Марата Ивановича с «блестящим докладом». Раздались не слишком бурные и не слишком продолжительные аплодисменты. Академик Старовалов добродушно улыбнулся и объявил заседание Ученого совета закрытым.

Поток людей, спешащих покинуть конференц-зал, вынес Заломова в просторный холл. Здесь под сенью болезненно-бледной пальмы, выращенной каким-то любителем из финиковой косточки, он заметил Демьяна, беззаботно болтающего с высоким полноватым парнем примерно его возраста. Парень был в снежно-белом выутюженном халате, его короткие тёмно-русые волосы были аккуратно расчёсаны и разделены на две неравные части белой полоской безукоризненного пробора. Демьян улыбнулся Заломову и со злорадством куснул: «Ну что, Слава, хорошо размазали по стенке твой всем надоевший дарвинизм?» Заломов хотел было возразить, но промолчал, вдруг осознав всю безнадёжность своего положения. До него стало доходить, как ещё сильны в стране позиции, казалось бы, полностью разбитого лысенкоизма. На миг Заломову даже показалось, что он в стане врагов, и ему остаётся лишь терпеть и ждать случая вырваться отсюда. Но куда?

– Да ладно, Слава! Да не сердчай ты и не бери в голову. Это в тебе столичная спесь играет, – продолжал паясничать Демьян. – А лучше познакомься-ка с Лёхой Стукаловым. Он, вообще-то говоря, в вашей лаборатории работает. И, кстати, учти: этот скромный на вид Лёха на самом деле любимец Егора Петровича, его, можно сказать, правая рука.

– А кто же исполняет партию левой руки? – почему-то подстроился Заломов под бодряцкий стиль Демьяна.

– А в качестве левой руки шефа функционирует его секретарша Альбина, – вступил в разговор любимец Драганова. Странно, но голос этого крупного, вполне созревшего молодого мужчины заметно дрожал от волнения. Выдавлив из себя некое подобие улыбки, он тем же вибрирующим голосом добавил: – А я, между прочим, левша.

Тяжёлая нижняя челюсть драгановского любимца пришла в колебательное движение, и Заломов наконец-то познал тот загадочный, воспетый Ф.Купером беззвучный смех Кожаного Чулка.

– Владислав, – отсмеявшись, продолжил Стукалов, – я уже давно хотел с вами познакомиться. Можно, я как-нибудь зайду к вам поболтать об эволюции? Не возражаете? – Стукалов снова заставил свои толстые губы растянуться. – Надеюсь, я не показался вам слишком навязчивым?

– Ну что вы, Алёша? Конечно же, заходите, – ответил Заломов, стараясь скрыть своё мрачное настроение. – Пока ребята! – добавил он с кислой улыбкой и, перепрыгивая через ступеньку, побежал вниз по парадной лестнице.

А ВЫ В БОГА-ТО ВЕРИТЕ?

А теперь посмотрим, чем же занимался Заломов в своём подвале. В начале января он выбрал для работы линию очень симпатичных плодовых мушек. У них были белые глаза и бледно-жёлтое тело. Пока насекомые размножались, Заломов штудировал химию красителей, а в конце марта отправился к доктору Чуркину в Органику (так в Городке называли Институт органической химии) и вернулся с набором красителей разных цветов. Только в апреле он приступил непосредственно к опыту.

Он вырастил мух в присутствии тридцати двух красителей. Семнадцать из них вели себя в соответствии с пожеланиями шефа, то есть в ходе опыта обесцвечивались. Четырнадцать выдержали воздействие пищеварительных ферментов личинок, но в тело насекомых проникнуть не могли. Так что личинки, копошащиеся в цветном корме, сохраняли свою натуральную белизну. Но один краситель с кодовым обозначением «КСК» вёл себя по-особенному. Он не обесцвечивался и при этом легко проходил внутрь личинок, окрашивая их в ярко-красный, точнее, в алый цвет. Алые личинки превращались в алых куколок, из которых вылуплялись алые мухи. К сожалению, разобраться в полученных результатах Заломов не мог, ибо доктор Чуркин при передаче красителей наотрез отказался сообщить их формулы и истинные химические названия. Почему он так поступил, оставалось загадкой. Но как бы то ни было, первый этап запланированной работы Заломов завершил, о чём и должен был доложить своему строгому шефу.

В предбаннике шефского кабинета за пишущей машинкой сидела и курила секретарша Альбина – невысокая, белобрысая, остроносенькая молодая женщина. Её довольно крупные светло-серые глаза сами по себе были очень даже ничего, но их красота терялась на фоне серенького малокровного личика. Светло-русые жиденькие волосы, собранные в «конский хвостик», усиливали общее впечатление бесцветности. Вдобавок ко всему, на ней была серая вязаная кофта и того же цвета простенькая суконная юбочка. Эта бесцветная мышевидка (таким странным прозвищем с первого взгляда одарил Заломов драгановскую секретаршу) заявила, что «у Егора Петровича очень серьёзные гости», так что несерьёзному просителю ничего не оставалось, как поудобнее разместиться на чёрном кожаном диване и попытаться чем-то себя занять. В течение следующих десяти минут объектом его внимания оставалась бесцветная мышевидка.

Владислав выяснил, что Альбина недавно окончила Новоярский университет по специальности филология, и что она обожает своего начальника, считая его, по меньшей мере, гением. Альбина тоже успела узнать, что Заломов не женат, что его отец давно умер, а мать живёт в небольшом городке в Ленинградской области. Сама же секретарша о своей семейной жизни сообщила очень немного: намекнула на существование мужа и при этом дала понять, что он-де «жалкий сосунок» и что «до настоящего мужика ему, как до далёкой планеты». Заломову почему-то показалось, что на роль настоящего мужика мог претендовать лишь сам Егор Петрович.

Наконец массивная, обитая чёрным дерматином дверь отворилась, и из шефского кабинета вышли, продолжая громко разговаривать, профессор Ковдюченко, недавно поразивший Заломова своею бесноватостью, и пиратоподобный учёный секретарь. За ними вышел и сам Драганов. Он был, как обычно, без пиджака, через глубоко расстёгнутый отворот его рубашки тянулись к свету спутанные кольца рыжих с лёгкой проседью волос.

– Ладушки, Егор Петрович, сделаем всё по высшему разряду, попридержим молодца, – говорил неожиданно высоким голосом массивный учёный секретарь, пожалуй, уж слишком уважительно склоняя голову перед хозяином кабинета.

– Работать – это тебе не дымовые кольца пускать. В стране, понимаете, с продовольствием напряжёнка, а он небылицами народ прельщает да безответственные прожекты строит, – нервной скороговоркой добавил профессор Ковдюченко.

– Валить Натаныча надобно, друзья мои хорошие. Не возмущаться, не критиковать, а ва-а-лить, – завершил их деловой разговор Драганов.

Увидев Заломова, шеф нахмурил свои лохматые, ещё не тронутые сединой брови и посуровел, показывая своим видом, что место младшего научного сотрудника не в кабинетах начальников, а у лабораторного станка.

– Егор Петрович, я хотел бы доложить вам первые результаты эксперимента с красителями и обсудить, что делать дальше, – пролепетал Заломов.

Маститый учёный было поморщился, но, приложив заметные усилия, сумел придать своему лицу более-менее бесстрастное выражение.

– Ладно, заходите, коли не шутите, правда, сегодня я сильно утомлён.

В драгановском кабинете стояла довольно затхлая атмосфера. Пахло сигаретным дымом, спортзалом и ещё какой-то кислятиной, видимо, «очень серьёзных гостей» тут потчевали то ли квашеной капустой, то ли солёными грибами. Вентилятор отсутствовал, форточки были закрыты.

– Что сильно накурено? – спросил шеф, угадав мысли Заломова. – Сами-то не курите?

– Нет, не курю.

– А что так? Заботитесь о здоровье? Только советую вам учесть одну простую и давно подмеченную нашим народом истину: «Кто не курит да не пьёт, дак тот абсолютно здоровеньким помрёт».

Драганов сказал это и захохотал, то есть издал несколько прерывистых хриплых звуков, обнажив свои мощные пожелтевшие от курения верхние резцы. Продолжая скалиться, склонился на портрет маршала Жукова и, сразу посерьёзнев, зло добавил:

– А может, экономите? Овёс-то, говорят, нынче дорог-с.

– Да вовсе не потому, просто мне неприятна никотиновая зависимость.

– Ах, тут шибко высокие принципы, – съязвил Драганов, скорчив презрительную гримасу. Он открыл форточку, и чистый прохладный воздух начал быстро вытеснять прокисшую атмосферу кабинета. Мрачно глядя в окно, шеф пробурчал: – Вот тебе и весна. По всем приметам выходило, что до Духова дня тепла не будет, дак так оно и вышло.

Повисла напряжённая тишина. Драганов занял своё место за широким письменным столом и жестом указал Заломову на стул напротив.

– Ну что там у вас стряслось? – начал шеф деловую беседу, почёсывая свою атлетическую грудь и позёвывая.

– Егор Петрович, я вчерне закончил просмотр взаимодействия личинок с тридцатью двумя красителями и выявил семнадцать образцов, перспективных для дальнейшей работы.

– Ну и что это за красители?

– Видите ли, я знаю только их условные коды, доктор Чуркин почему-то не сообщил мне их формулы.

– А?! Молодец Мироныч! Это я попросил его не давать вам формул.

– Это почему же? – почти вскрикнул Заломов.

– Много будете знать – скоро состаритесь. Продолжайте ваш рапорт, – резко и зло осадил Драганов подчинённого.

Такой грубый выпад шефа поставил Заломова перед непростым выбором: или возмутиться или подчиниться. К ужасу своей самооценки он выбрал второе и после краткого замешательства приступил к подробному отчёту.

Как и ожидалось, Драганов был доволен, что в целом его предсказания сбылись. Он даже позволил себе дозировано пошутить:

– Ну, наконец-то, Владислав Евгеньевич, а то я уж подумывал: а не поменять ли вас на какого-нибудь спортивного молодца, а ещё лучше на какую-нибудь рукастую да пригожую девицу-молодицу. Ну а вот теперь вижу: худо-бедно вы справляетесь.

Драганов потянул ящик письменного стола, вынул пачку дешёвых сигарет, подчёркнуто не спеша, закурил и картинно задумался. Затем встал, подошёл к окну и медленно заговорил, уставившись на газон, покрытый яркими цветами.

– Знаете, Владислав Евгеньевич, пожалуй, я рискну с вами чуток поработать.

Учёный снова глубокомысленно замолчал. Он молчал и молчал, не отрывая глаз от газона. А Заломов всё ждал и ждал, понимая, что шеф подбирается к чему-то важному.

– Владислав Евгеньевич, а вы в Бога-то верите? – наконец нарушил тишину Драганов, и в его голосе Заломов уловил нотки лёгкой досады, будто речь шла о промозглой погоде или о хронической бессоннице.

Младший научный сотрудник опешил, такого пируэта он никак не ожидал.

– Нет, конечно, – вырвалось из его уст. – Вы что? Проверяете меня на идеологическую зрелость?

– Да, проверяю, – ответил шеф в своей прямолинейной, грубоватой манере. – Мне нужно знать, с каким человеком имею дело, и насколько я могу ему доверять. Дак вы что? точно знаете, что Бога нет?

Драганов по-прежнему стоял спиной к Заломову, и это не позволяло молодому человеку видеть выражение лица своего начальника. «Уж не шутит ли? – мелькнула самая простая и самая удобная мысль. – Да нет, едва ли... уж больно голос суров». Так и не успев толком разобраться, Заломов выпалил первое, что пришло на ум:

– Видите ли, Егор Петрович, я считаю некорректной даже саму постановку вопроса о существовании Бога как внеприродного фактора, создавшего Вселенную с её живым и неживым содержимым и вдобавок ко всему постоянно следящего за каждым из пяти миллиардов жителей нашей планеты.

– Это почему же вы считаете вопрос о Боге некорректным? Существование такого, как вы выразились, фактора объясняет появление Вселенной так же просто, как план шкафа в голове плотника объясняет появление реального шкафа из дерева.

Драганов говорил веско и назидательно, ничуть не сомневаясь в своём моральном и интеллектуальном превосходстве над «молокососом».

– Да, но, в отличие от внеприродного Бога, ваш плотник (надеюсь, вы не имеете в виду знаменитого пасынка назаретского плотника) – существо вполне плотское, да и его план шкафа не так уж нематериален. Скорее всего, он воплощён в какой-то конкретной схеме контактов между вполне определёнными нейронами головного мозга плотника, – попытался держать удар Заломов.

– Да... богобоязненности у вас, я вижу, кот наплакал. Вас послушаешь, так и душа материальна.

– Егор Петрович, я не хотел бы развивать эту тему, – сухо ответил Заломов и добавил: – Так что же мне делать с теми семнадцатью красителями, которые обесвечиваются личинками? Какие из них выбрать для дальнейшей работы?

Драганов по-прежнему стоял у окна, смотрел на газон, курил и будто не слышал вопроса.

– Повторите в большем объёме работу с красителями лилового цвета, а все остальные из опыта исключите, – наконец произнёс он, делая акцент на каждом слове. – Да... и размножьте-ка линию Мёллер-5, ну и ещё парочку линий с маркёрами по двум большим хромосомам.

– Хорошо бы знать формулы красителей, это помогло бы мне сориентироваться... – возразил было Заломов, и тут же отметил, что слова его звучат как-то слишком любезно, почти просительно, чуть ли не угодливо.

– А вот об этом попрошу не беспокоиться, – оборвал его Драганов. – Вас ознакомят с формулами, когда **Я** сочту это нужным, – на слове «я» шеф поставил жирный акцент. – А пока работайте. Вам понятна ваша задача?

– Да, – безропотно согласился Заломов, изумляясь не столько странности указаний Драганова, сколько собственной странной покорности.

Разговор был завершён, его заключительная часть оказалась для Заломова совершенно неожиданной, и он даже забыл доложить о необычном поведении алого красителя с кодовым названием «КСК».

В тот вечер Заломов долго не мог уснуть: из головы его упорно не выходил разговор с шефом. Он ещё помнил, сколько переживаний доставила ему проблема существования высших сил в детстве. Так лет до двенадцати он панически боялся грозы. И это не был страх попадания в него молнии; нет, то был страх каких-то невидимых сверхмощных сил, следящих за ним и жаждущих покарать его за двуличие. Ведь на словах-то он, как положено советскому школьнику, в Бога не верил. Так что религиозное чувство юного Заломова выражалось главным образом в смутных страхах. Особенно страшно было ему грозowymi ночами, когда за окнами полыхали нестерпимо яркие, видимые даже сквозь сомкнутые веки молнии, а грозный гром, казалось, распарывал дом от крыши до потолка над его кроватью. И сколько ни говорили ему взрослые, что молния – это просто электрический разряд, а гром – просто звук того разряда, мистический страх перед грозой не проходил.

Как-то раз в одно лето, особенно богатое грозами, юный Заломов увидел поразительно яркий сон. Ему приснилось, будто он лежит на чёрном, недавно вспаханном поле. Он распластан и вдавлен в мягкую тёплую почву, а над ним раскинулся громадный купол неба. Вдруг на голубом небосводе проступают ярко-красные, будто горящие, контуры какой-то крепостной стены и высокого замка за нею, и он слышит гремящий мужской голос: «Веришь в Бога?!» – «Нет!» – пытается прокричать мальчик, но издаёт лишь сдавленный, едва слышный писк. И сразу после этого с неба начинает спускаться огромный сундук на толстом канате. Заломов всматривается в днище сундука и видит, что оно усеяно длинными острыми шипами. Вскоре грозные шипы нависают прямо над ним, и снова гремит тот же мощный бас: «Кайся! Кайся, жалкий червь! Веришь в Бога?» – «Да, да!» – громко и убеждённо кричит Владислав, раздавленный смертельным ужасом и чувством собственного ничтожества. Проснувшись, он ещё долго лежал на спине в мягкой постели. В комнате был включён репродуктор, и густой бас диктора продолжал читать какое-то важное правительственное сообщение.

Этот жуткий сон Заломов хранил в глубокой тайне не менее двух месяцев и лишь осенью рассказал его одной пожилой женщине, гостившей у матери. «Миленький ты мой! – сказала женщина. – Так это же Христос к тебе приходил. Это добрый знак. Христос только к избранным приходит». Нельзя сказать, что слова женщины успокоили Заломова, скорее напротив, его страхи после этого даже усилились. Лишь знакомство с физикой и, как ни странно, чтение Жюль Верна помогли ему существенно ослабить свой страх перед высшими силами, хотя излечение от этого психического недомогания пришло гораздо позже. И свидетельством тому снова явился сон.

Тогда Заломов учился в медицинском институте и много времени проводил в анатомичке, с интересом наблюдая за становлением у сокурсников «врачебного мышления». Более всего его поражало, как быстро вчерашние сентиментальные школьницы пропитываются мажорным медицинским цинизмом. Как лихо и беззаботно вертят они в своих нежных ручках

кости, внутренние органы и прочие фрагменты человеческого тела и весело суют шпильки во все отверстия и каналы. Но, пожалуй, более всего его шокировало отношение будущих врачей к трупам, превращённым в так называемые анатомические препараты. У этих людских останков не было ни кожи, ни внутренних органов – лишь скелет, связки, мышцы и нервы. Каждому из препаратов студенты придумали имя. Были там и Матильда, и Вася, и особенно популярным был Коля. Этот Коля при жизни был могучим парнем, можно сказать, геркулесом, а после смерти его великолепные мышцы теребили, бормоча божественную латынь, довольно бестолковые люди, в головах которых свистел пустой ветер молодости. Конечно, тот здоровенный парень, ставший после смерти Колей, едва ли предвидел, что случится с его телом, а вот в одной из склянок институтского анатомического музея были выставлены заспиртованные внутренности какого-то профессора царской России. Этикетка возле склянки сообщала, что учёный завещал свои останки медвузу для изучения анатомии. Заломова поразила сила духа человека, смогшего, даже не постигнув азов диамата, так радикально и так безбожно распорядиться своею священной плотью.

И вот восемнадцатилетнему Заломову приснилось, будто он стоит, склонившись над Колей, и перебирает пинцетом его мышцы предплечья. Вдруг громадный препарат вздрагивает, легко соскакивает с мраморного стола и заключает Заломова в свои объятия. Владиславу трудно дышать, ибо липкая, отвратительно пахнущая плоть трупа прижата к его лицу. Под его руками лишь поясничный отдел Колиного позвоночника. Он нащупывает отходящие к ногам толстые нервные пучки и остервенело рвёт их, почему-то крича: «Кончай этот маскарад!». Лишённые иннервации ноги гиганта подкашиваются, и он, как мешок, повисает на Заломове. Тот не выдерживает тяжести Коли, и они оба падают на холодный цементный пол. Однако руки монстра продолжают действовать, и его страшные жёлтые ногти вонзаются в кожу на горле Заломова. «Надо добраться до грудного отдела», – вот главная мысль, которая бьётся в угасающем сознании несчастного студента. Изнемогая от удушья и усталости, он скользит ладонями вдоль позвоночника пустотелого трупа и наконец натывается на нервы, приводящие в движение мышцы рук. Он разрывает липкие пучки – и Коля разжимает свои страшные кисти. Теперь Владислав может свободно дышать, но его сознание всё ещё мутится от смрада, исходящего проформалиненной плотью анатомического препарата.

Этот врезавшийся в память сон чётко показал Заломову, насколько продвинулось его атеистическое мировоззрение. Ведь в этом сне, столкнувшись вроде бы с несомненно сверхъестественным явлением, он действовал так, будто за странное поведение монстра несли ответственность какие-то ему неизвестные, но, безусловно, материальные факторы.

Утром (это была суббота) Заломов проснулся с тяжёлой головой и плохим настроением. После двух чашек крепкого чая голова слегка прояснилась, но обычное для него хорошее настроение упорно не приходило. Идти на работу не хотелось, и он решил прогуляться по лесу вдоль ручья, слегка похожего на речку его школьных лет. Через какие-нибудь пятнадцать минут Заломов уже шагал по лесной дорожке, усыпанной сосновой хвоей. Глаза его машинально сканировали окружающий мир, но он не видел ни красоты, ни смысла в этом нагромождении форм и красок, ибо мозг его продолжал нудно мусолить тему, поднятую во вчерашнем разговоре с шефом.

– Почему и зачем затеял Драганов тот разговор о Боге? Что он проверял? Или, может быть, шефа гложут сомнения в верности официальной идеологии? И он искал помощи у неопытного юнца? – Заломов задумался: – А мог бы я сам ответить на вопрос, что такое Бог? и откуда взялось у людей это странное понятие? Едва ли боги пришли к нам из мира абстрактных рассуждений. Да и как могли дикари конца каменного века строго рассуждать, если в их языке, фактически, отсутствовали абстрактные понятия? И всё-таки именно этим охотникам за мамонтами и небрезгливым собирателям всего, что съедобно, принадлежит слава изобре-

тения духов и богов. Чудеса, да и только! Быть может, в те времена боги были зримыми и вполне осязаемыми человекоподобными существами, жившими неподалёку от людей? – Заломов засмеялся и... наконец-то узрел ликующую вокруг природу.

Прошло больше месяца после его последней экскурсии в эти места. Весна стремительно переходила в лето. Знакомый склон долины ручья теперь был оранжевым от бесчисленных огоньков – цветов с множеством лепестков, свёрнутых в ярко-оранжевые шарики. Заломов развернул несколько таких шариков и в каждом обнаружил миниатюрного жёлтого жучка с чёрными поперечными полосками на надкрыльях и с необыкновенно длинными членистыми усиками. Усачок сидел на рыльце пестика и явно питался цветочной пылью. Заломова охватило чувство восторга перед красотой и сложноустроенностью мира и, пренебрегая опасностью подцепить энцефалитных клещей, он лёг прямо на оранжевый цветочный ковёр. Небо было бездонным и совершенно голубым. Оно было выше и голубее, чем над задымлённым Ленинградом. Заломову было сладко смотреть в это голубое окно, обрамлённое светло-зелёными кронами берёз. Внезапно закуковала кукушка, суля молодому человеку долгую жизнь. Так начиналось его первое сибирское лето. На календаре было 13 июня.

ГАРМОНИЧНЫЕ МУДРЕЦЫ

Заломов вышел на дорожку и снял одежду для проверки на клещей. Клещей не оказалось. Спустился к ручью и пошёл вниз по его течению. Внезапно ручей разлился в живописный пруд, в его безупречном зеркале отражался противоположный берег, поросший молодым березняком. Над самой водой летали крупные стрекозы с коротким и широким брюшком, он знал с детства их красивое родовое имя – *Libellula*. Одна такая либелюла сидела на остром кончике листа осоки и методично пережёвывала комара.

С дамбы, запрудившей ручей, открылся вид на широкий безлесный косогор, уходящий высоко вверх к синему небу. Светло-зелёный склон был прорезан бурой дорогой, которая, судя по всему, вела в Городок. Не успел Заломов пройти и полусотни шагов по этой изъеденной тальми водами дороге, как на верху холма появился легковой автомобиль. Осторожно объезжая многочисленные рытвины, он стал медленно спускаться. Поравнявшись с Заломовым, Волга остановилась, и дама за рулём опустила боковое стекло. Изумлению Заломова не было границ: на него смотрела и улыбалась самая красивая женщина на свете.

– О, донна Анна! – вырвалось у него, – что вы тут делаете?

– Вероятно, то же, что и вы, Гуан, – дышу свежим воздухом.

– В автомобиле с закрытыми окнами?

– Влад, мне ужасно нравится местность, но совсем не нравятся комары.

Действительно, идиллия слегка нарушалась тоскливым комариным писком.

– Ну, да бог с ними, с этими комарами. Как поживаете, Влад? – в слегка расширенных глазах девушки читалось нечто большее, чем простое любопытство.

– Средне, Анна. Не так хорошо, как бы хотелось.

– Чего же вам недостаёт?

– Приятного общества.

– И что вам мешает его иметь?

– Работа и врождённая стеснительность.

– Первое понятно, второе – не очень.

– Анна, я бы с удовольствием поболтал с вами, но боюсь показаться навязчивым.

– Ну и зря. Я тоже не прочь поболтать, но только не в обществе этих занудно зудящих кровососов. Давайте поболтаем у меня, – и, видя непонимание в глазах молодого человека, добавила: – У меня дома. Хотите заодно и пообедать, я как раз затушила курицу?

– Не откажусь, – ответил он, искренне радуясь своему везению.

– Ну и славненько! Вас подвезти? – глаза Анны сузились, а полнокровные, не тронутые помадой губы напряглись, с трудом сдерживая улыбку.

В однокомнатной квартире Анны царила скромная, почти спартанская атмосфера. Мебель состояла из дешёвенького дивана, письменного стола, полированного журнального столика, пары полумягких кресел и стандартного книжного шкафа новоярского производства. Анна усадила гостя на диван и, предупредив его естественный вопрос, сказала:

– Видите ли, Влад, эту квартиру мне снимает мать. Она работает в одном ящике под Томском и неплохо зарабатывает. А машина перешла мне от отца. Пока я разогреваю обед, можете что-нибудь почитать.

Заломов подошёл к шкафу и стал рассматривать книги. По большей части это была русская и мировая классика. Естественно, были здесь и книги по биологии, а на краю нижней полки он заметил пособие по вязанию и изданную ещё в сталинские времена изрядно потрёпанную «Книгу о вкусной и здоровой пище».

Обед прошёл на высшем уровне. И курица, и салаты показались Заломову необыкновенно вкусными. В середине чаепития Анна сказала:

– Влад, у меня не выходит из головы ваша лекция моим ученикам. Помните, вы говорили, что чуть ли не девяносто процентов нашей ДНК – вовсе и не гены. Получается, что большая часть нашего наследственного вещества лишена наследственной информации. Вы не находите, что это звучит довольно странно?

– Нет, не нахожу. Ген – это отрезок молекулы ДНК, помогающий организму выживать в среде его обитания, а негенная ДНК – просто линейный полимер, полинуклеотид, и смысла в нём не больше, чем у какого-нибудь полиэтилена.

Анна расхохоталась:

– Ну, Влад! Ну, вы даёте! Бросьте шутить, а лучше ответьте, как же получилось, что в наших клеточных ядрах так много вроде бы совершенно никчёмной ДНК? А может быть, у этой бессмысленной ДНК всё-таки есть какой-то смысл?

– Ох, Анна, спросили бы что-нибудь полегче, – Заломов печально улыбнулся. – Мы-то с вами хотя бы пресловутый венец эволюции. А вот почему у архаичных саламандр и у ещё более архаичных двоякодышащих рыб количество ДНК в десятки раз больше нашего? Я не знаю ни одной хорошей теории, объясняющей это странное явление, этот так называемый Си-парадокс.

– А может быть, двоякодышащие рыбы превосходят нас по числу генов? Ведь у них, кроме жабр, есть ещё и лёгкие.

– Едва ли. Конечно, может статься, что немало генов у них представлено многократными копиями, но я уверен, что, главным образом, те допотопные твари превосходят нас в количестве именно негенной ДНК.

– Ой, Влад, как бы я хотела в этом разобраться! Как бы я хотела попробовать удалить хоть малую долю, хотя бы чуть-чуть той негенной ДНК и посмотреть, что из этого выйдет! Жаль, что вы этим не занимаетесь.

Анна хотела что-то добавить, но, видимо, передумав, махнула рукой и заключила свой экскурс в молекулярную генетику словами: – Ну да бог с ней, с этой непонятной ДНК, давайте сменим тему.

– Давайте, – послушно согласился Заломов.

Анна вздохнула и задала совершенно неожиданный вопрос:

– Влад, а не могли бы вы объяснить мне, почему люди (особенно представительницы моего пола) больше всего на свете любят сплетничать?

Этот вопрос показался Заломову несерьёзным, и он попробовал отшутиться:

– Я думаю, людям хочется эмоционального разнообразия. Наверное, в обычной, рутинной, хорошо отлаженной жизни им недостаёт острых ощущений. А сплетничая, человек может пережить без особого вреда для себя самые дикие драмы чужих домов. Возможно, потому же любят и театр.

– Удивительное объяснение. А почему среди мужчин (да и не только среди них) так много любителей политики? Что? это тоже любовь к театру?

– Пожалуй, нет, – Заломов задумался. – С политикой, наверное, немного сложнее, а может быть, и попроще. Тут, пожалуй, задействованы первобытные инстинкты, связанные с защитой охотничьих угодий. Ведь любая популяция любых живых существ постоянно стремится увеличить свою территорию – это, можно сказать, закон природы. Но расширяя охотничьи владения, коллектив первобытных людей неизбежно входил в конфликт с соседями, а это уже война и политика.

– Так вы хотите сказать, что империализм великих держав не нужно объяснять жадностью власть имущих, стремящихся увеличить свой доход грабежом и эксплуатацией покорённых народов.

– Пожалуй, да. Едва ли только алчность толкала к мировому господству Александра Македонского, Цезаря, Чингисхана, Тамерлана, Наполеона и прочих так называемых героев (а вернее, негодяев) прошлого. Вполне возможно, немалую роль сыграла тут и первобытная, вписанная в наши гены тяга к безудержной территориальной экспансии.

– Выходит, страшные и ужасные чингисханы всех времён и народов, по сути, ничем не провинились перед человечеством? – воскликнула Анна и весело засмеялась.

– Честно сказать, я так не думаю, – ответил Заломов серьёзно. – Человек, чтобы оставаться человеком, должен постоянно держать в узде свои первобытные инстинкты.

– И не только территориальные, – Анна, с уважением взглянула на своего гостя. – А теперь ещё один вопрос. Почему большинство людей на удивление мало интересуют такие фундаментальные проблемы, как устроена Вселенная, атомы, да и те же гены?

– А вы, наверное, замечали, как ведут себя собаки, сопровождающие на прогулке своих хозяев? Как рвутся бедные животные друг к другу! Часто видишь, как роскошную даму просто тащит за поводок немецкая овчарка, желающая во что бы то ни стало познакомиться с микроскопической москвой, сидящей на руках другой роскошной дамы.

– Да, я часто такое видала, и мне тоже приходило в голову, что для любой собаки другие собаки интереснее и важнее людей. Хотя люди, по сути, управляют их судьбами.

– Верно, – засмеялся Заломов. – По идее, собакам мы должны казаться богами.

– Влад, похоже, вы снова склонны шутить. Но ответьте, ради бога, почему же большинству из нас не очень интересно знать, как устроены галактики и атомы?

– Наверное, людям трудно иметь дело с невидимыми и неосязаемыми вещами.

– Не хотите ли вы сказать, что им просто не хватает воображения? – спросила Анна с несколько показным раздражением.

– Возможно, дело именно в этом, – неуверенно согласился Заломов.

– А не кажется ли вам, что любители абстрактных вещей, так называемые мудрецы, на самом деле просто больны вяло текущей шизофренией. Может быть, эти субъекты просто не любят своих ближних, а потому и не интересуются их переживаниями? Может быть, именно поэтому невидимые атомы и сверхудалённые галактики для них ближе, чем соседи по лестничной площадке.

– Таких субъектов я не назвал бы истинными мудрецами. Но ведь есть же на Земле и вполне гармоничные, ничем не ущемлённые люди, которым нравятся и цветы, и женщины, и абстрактные вещи. А сильное воображение позволяет им без особого труда переноситься в мир невидимых и неосязаемых объектов.

– По-видимому, таких гармоничных мудрецов особенно много среди крупных учёных? – спросила Анна.

– У меня здесь небольшой опыт, но, мне кажется, что большая часть учёных по своим интересам мало отличается от обычных людей, то есть секс с карьерой в молодости и политика с карьерой в пожилом возрасте.

– Но не слишком ли вы категоричны?! Ведь учёные, чисто профессионально, просто обязаны заниматься абстрактными вещами, – возмутилась Анна, и на лице её Заломов не заметил даже тени улыбки. Более того, на её нежных щеках цвета созревшего персика поигрывали желвачки – явные свидетели раздражения. Заломову уже не хотелось продолжать спор, но он, что называется, сам загнал себя в трубу, так что пути назад ему не было.

– Абстрактные вещи для большинства учёных – это то, что обеспечивает их работой а, стало быть, и зарплатой. Мне кажется, даже открытия зачастую интересуют их лишь как средство для достижения таких прозаичных вещей, как материальное благополучие и высокий социальный статус.

Заломов говорил это и вспоминал заседание Учёного совета, на котором недавно побывал. Он не мог поверить, чтобы титулованных особ, сидевших в президиуме, серьёзно интере-

совала абстрактная материя. «Чем же они были так заняты? – спросил себя Заломов. – Едва ли сплетнями. Может быть, политикой? Но какой?»

– Влад, а вы знакомы хотя бы с одним гармоничным, как вы изволили выразиться, мудрецом?

Он открыл было рот и осёкся, внезапно осознав, что не знает ни одного такого. Анна ждала ответа, но Заломов молчал. В голове его бушевал шторм. «Почему же я верю в то, чего сам никогда не видел?» – спрашивал он себя, но безотказный внутренний голос молчал.

– Я не видел ни одного гармоничного мудреца, – наконец признался слегка обескураженный Заломов.

– Вот это да! Согласитесь, получилось презабавно! – с удовольствием рассмеялась Анна. – Послушайте, Влад, а с чего вы взяли, что ваши гармоничные мудрецы вообще существуют на белом свете?

– Но они просто обязаны существовать.

– И это всё, что вы можете привести мне в качестве аргумента?

Анна ласково улыбалась, но этот странный допрос почему-то стал доставлять Заломову душевную боль.

– Пожалуй, да, – выдавил он из себя, и ему стало печально. Его мозг почему-то не справлялся с такой простенькой с виду проблемой.

– Но, Влад, вы так и не объяснили мне, почему же вашему брату (и особенно нашей сестре) так нравится копаться в межличностных отношениях? Едва ли дело тут в отсутствии воображения.

Заломов смотрел в горящие умом глаза девушки, но их чары на миг прекратили воздействие на его слабую мужскую душу. Глядя сквозь собеседницу, он тихо и бесцветно промямлил:

– Миледи, мне очень жаль, но я не могу ответить на ваш вопрос. Я никогда об этом не думал. Вы просто загнали меня в угол.

По дороге в Институт он снова и снова прокручивал заключительную часть их беседы. Прощаясь, Анна подала ему руку и без всякого кокетства сказала: «Влад, если бы ваши гармоничные мудрецы существовали, они были бы идеальными людьми, но помните, вы уже говорили когда-то, что в природе нет идеальных объектов».

Но Заломова не покидало чувство неудовлетворённости. Странная ограниченность подавляющего большинства людей требовала объяснения, и он попробовал разобраться. «Есть какая-то пелена, облепившая наше сознание, – начал Заломов свой анализ. – Из-за этой пелены мы плохо видим удалённые вещи, и поэтому нас не интересуют – страстно, по-настоящему – ни звёзды, ни атомы, ни даже эволюция. Главное для подавляющего большинства моих собратьев – это межлюдские, межличностные отношения... фактически, сплетни, – по спине пробежала волна лёгкого озноба, чёткое свидетельство, что он зацепил за что-то важное. – Но почему же лично мне хочется, чтобы людей волновали вопросы, связанные с генами, звёздами и атомами? Почему законы, по которым живут эти бесконечно далёкие от быта объекты, кажутся мне чрезвычайно важными? Почему моя душа так стремится к ним? Здесь что-то кроется. Приходится предположить, что где-то во мне, возможно, в моём подсознании, таится нечто, толкающее меня за грань обыденного. И большой вопрос – хорошо это или плохо».

Заломов вполне разделял мнение большинства, что для получения знаний нужно учиться и много читать, но, может быть, именно поэтому его всегда поражало, что не так уж редко к волнующей новизне можно прийти, совсем не корпя над книгами, а просто свободно рассуждая или споря с умным человеком. Да, на этот раз он был разбит в споре и был разбит девушкой. Однако он не испытывал досады. Напротив, Заломов был в восторге от Анны. Благодаря ей он вышел на интересную проблему.

ДРУГИЕ СТРОКИ

15-го июня Заломов должен был приступить к углублённому анализу способности личинок обесцвечивать красители фиолетового цвета. Однако, проявляя привычную строптивость, он снова потянулся к пробиркам уже, казалось бы, завершённого эксперимента. Сначала осмотрел контроль, где мухи развивались на чистом корме, затем перешёл к пробиркам с красителями и отметил, что здесь почти всюду живых насекомых меньше. В принципе, этого следовало ожидать, ибо едва ли химические вещества, созданные для окрашивания тканей, могли прибавить мухам здоровья. Единственным исключением были пробирки с КСК. В них было довольно много дрозифил цвета алой зари, бодро перепархивающих с места на место и занимающихся любовью на вертикальных стеклянных стенках. Подсчёт показал, что число живых алых мух превышало даже контроль. Этот результат выглядел странным и нелогичным. Впрочем, серьёзно судить о чём-либо на основании лишь трёх небольших пробирок было делом рискованным, поэтому Заломов решил повторить опыт с КСК в гораздо большем объёме.

И тут в его душу ворвалась какая-то дикая радость. Ему вдруг привиделось, что этот КСК выведет его на крупное открытие. И тогда сбудется его главная мечта. Это будет потрясающе! Он пошлёт статью в лучший научный журнал планеты – в *Nature*. И великие люди прочтут её, и придут от неё в восторг, и пригласят его сделать у них доклад. А директор Института спросит: «А кто такой этот Заломов? и почему я ничего о нём не знаю?» А Анна, конечно, тут же упадёт в его объятия. «Да что там Анна?! – вскричал его обезумевший внутренний голос. – Ведь если ты станешь великим человеком, то самые шикарные женщины Москвы, Ленинграда и Киева почтут за честь стать твоими любовницами».

Заломову стало смешно и грустно: «Боже, неужто и я, как какой-нибудь честолюбивый охотник времён позднего палеолита, мечтаю убить шерстистого носорога, чтобы родная пещера одарила меня ещё одной женой?» Он охватил голову руками и попытался притормозить полёт своих диких фантазий: «Зачем думать о наградах, если никакого эффекта КСК на самом деле нет? Не лучше ли обуздать свои радужные мечты в самом зародыше и настроиться на более прозаический лад».

Он покинул свою трудовую келью и бесцельно побрёл по захламлённому коридору нулевого этажа. И тут его чуть не сбил с ног парень в драном почти белом халате. В руках у него была широкая стеклянная посуда, полная мелкоколотого льда, из которого торчало несколько пробирок с красноватой жидкостью. Добежав до комнаты 012, парень ногой распахнул дверь, и тотчас послышался его бодрый восклик: «Заводи центрифугу, Макс!». В Заломове проснулась страсть к слежению (та, что заставляет нас читать до конца пошлый детектив или ждать последнего боя в идиотском кинобоевике). Заглянув внутрь кабинета, он увидел двух молодых людей, лихорадочно уравнивающих на грубых лабораторных весах центрифужные стаканчики. В одном из парней – в том, что чуть не сбил его – он узнал косноязычного недотёпу, задававшего на Учёном совете неудобный вопрос Марату Ивановичу. Видно было, ребята спешат и очень увлечены своей работой. «Выходит, всё-таки есть и тут нормальные люди», – не без удовольствия отметил Заломов.

Он пришёл в библиотеку и стал читать свежие журналы. И тут началось! Впервые в жизни Заломов начал грезить наяву. Перед его глазами возникло лицо Анны. Её губы улыбались, приоткрывая воспетый поэтами Востока сверкающий жемчуг зубов. Невольно вспомнилось из «Онегина»:

Он меж печатными строками
Читал духовными глазами
Другие строки. В них-то он

Был совершенно углублён.

Неожиданно эти стихи оживили в памяти Заломова некоторые эпизоды его уже подзабытой школьной жизни. Тогда он учился в десятом классе и был безнадежно влюблён в Танечку – самую симпатичную и самую умную девушку в классе. Это была его первая любовь. На беду Заломова, в Танечку влюбился и его ближайший друг Юрка. Злополучная любовь превращала ни в чём не повинного Юрку в соперника, и Заломов должен был решить, *что* для него важнее – любовь или дружба. Каждый вечер засыпал он с мечтами о Танечке, и каждое утро ему казалось, что должен добровольно отказаться от соревнования с другом. Впрочем, у этих колебаний была ещё одна весьма весомая причина – Владислав боялся! Боялся оказаться отвергнутым. Юрка был умным, сильным и смелым юношей, и ко всему он был хорош собой. Несколько одноклассниц по нему сохли, и внутренний голос, незадолго до того поселившийся в душе Заломова, каждое утро твердил: «Уходи со сцены. Она любит Юрку». Впрочем, сдержанная девушка своих чувств никак не выражала.

В конце первой четверти Заломов всё-таки решил, что так просто, без всякой борьбы уступать другу-сопернику нельзя. У него не было шансов превзойти Юрку в спорте и телесной красоте, но оставалось попробовать себя на интеллектуальном фронте. И случилось непредвиденное: заставив себя учиться, Заломов увлёкся и математикой, и физикой, и историей, и даже литературой, и... уже в конце третьей четверти попал в отличники почти по всем предметам.

За пять месяцев активной работы над собой в его мировоззрении произошли серьёзные сдвиги. Во-первых, он узнал, что может развивать себя сам – без учителей – в соответствии со своими собственными планами. Во-вторых, ему открылось, что мир велик, прекрасен и полон нераскрытых тайн. И в-третьих, он стал сомневаться, так ли уж важно побеждать в борьбе за расположение одноклассницы. Всё чаще его сексуальные грёзы перемежались грёзами иного рода. Воображение переносило его то в лаборатории, набитые сложными цифромигающими приборами, то в болота каменноугольного периода, где на моховых кочках сидели огромные звероподобные амфибии, а в воздухе реяли стрекозы с полуметровыми крыльями. Может быть, этими мечтами Заломов пытался скомпенсировать горечь неминуемого поражения в борьбе за Танечку, а может быть, его душой завладевало иное божество, не менее могучее, чем Эрос. (Заметим, что последователи Фрейда усмотрели бы тут типичный случай сублимации либидо в иные формы психической энергии.) И наконец, именно тогда Заломов открыл, что в сутках лично ему, ему одному, принадлежит от силы полтора-два часа. Остальное время поглощала школа, общение с друзьями и родственниками, еда, сон, подготовка уроков, помощь матери по хозяйству, стояние в очередях за продуктами и прочие необходимые дела. Остаётся лишь удивляться, как ему удавалось отыскивать в этом потоке «я должен» не так уж мало времени для «я хочу». Своим сугубо личным временем Заломов страшно дорожил, и если в течение дня ему не удавалось оторвать для себя хотя бы с полчаса, он считал тот день потерянным. Именно тогда он начал вести дневник, занося в него свои впечатления, размышления, планы и мечты.

Всё, что он до того знал, всё, во что он до того верил, подверглось серьёзному пересмотру. Досталось не только советской идеологии, но и куда более общим вещам. В частности, его вдруг начал интересовать извечный вопрос – что делать, чтобы стать счастливым? Школа учила, что счастье обретается самоотверженным трудом на благо Родины. Быт же учил, что счастье – это приятная видом домовитая жена и хорошая зарплата. Он попробовал разобраться в очевидном противоречии. Ему нравилась идея трудового подвига, трудового страдания, когда работаешь не за деньги, а за что-то более высокое и важное. Однако же, если человек ради высокой цели ежедневно страдает, то не перевесит ли сумма его страданий однократную радость от реализации мечты? Особенно нелепой выглядела ситуация, когда, несмотря на каторжный труд, на все вынесенные страдания и терпения, конечная цель оставалась недостигнутой. И в то же время, если вообще отказаться от высоких целей и согласиться быть неброским граждани-

ном с приличной зарплатой, миловидной женой и благовоспитанными детьми, то чем же тогда его жизнь будет отличаться от жизни любого обывателя? В конце концов Заломов решил, что человек должен всегда стремиться к цели высокой, почти заоблачной, но всё-таки реалистичной, достижимой. И путь к ней должен быть тщательно продуман и просчитан.

И, конечно же, он мечтал о науке и об открытиях. Но каких? Странно, но его не интересовали открытия-изобретения, приносящие людям практическую пользу. Нет, он мечтал об открытиях, просто удовлетворяющих его любопытство. Так, например, он хотел знать, почему неандерталец, несмотря на рекордный вес своего головного мозга, бездарно вымер, не совершив ничего великого; или почему природа так долго готовилась к созданию мыслящего существа. Такого рода вещи его страшно волновали, и он был готов отдать многое, чтобы в них разобраться.

За годы студенчества Заломов слегка откорректировал свои юношеские представления о жизни. Наблюдая за горожанами, болтая за бутылкой с друзьями и подругами, слушая нравовучения старшего поколения, он утвердился во мнении, что практически всё у людей вертится вокруг денег. Величина зарплаты является для его современников не только мерой их труда, но и мерой их самих. И ещё он заметил, что именно гонка за жёлтым металлом ломает человеку жизнь, заставляя его отказаться от прекрасных мечтаний юности. Значит, – решил Заломов, – для того, чтобы всегда оставаться самим собой, чтобы всегда делать то, что хочешь, совершенно необходимо воспитать в себе равнодушие к деньгам. Изучив биохимический состав продуктов питания, он оценил стоимость не изысканного, но полноценного пищевого рациона. Прибавил расходы на простую одежду, транспорт и государственное жильё, и у него получилось, что уже зарплаты простого технического лаборанта более чем достаточно для вполне сносной жизни. Вот эту-то ставку технического лаборанта и объявил Заломов своим разумным минимумом, ниже которого падать не стоит. Ну а всё, заработанное свыше, он счёл роскошью, хотя и приятной, но вовсе не обязательной.

Однако вернёмся к теме его первой любви. В начале четвёртой четверти был школьный вечер с танцами, а танцам предшествовало «культурное мероприятие», на котором активные школьники пели песни и читали стихи. Заломов и Юрка сидели среди зрителей и благодушно ожидали конца нудной комедии. И тут совершенно неожиданно на сцену вышла Танечка и стала читать письмо Татьяны к Онегину. Душа Заломова сжалась в комок. Больше всего он боялся, что его возлюбленная провалится, что скромность и редкая сдержанность не позволят ей прочесть всё как нужно. Она декламировала негромко, но так проникновенно, так искренне, что временами у него мороз пробегал по коже. И ему казалось, что письмо, читаемое Танечкой, было предназначено не Онегину, а лично ему. Когда она закончила, раздались аплодисменты, и Танечка как-то вызывающе взглянула на него, а может быть, на сидящего рядом друга.

А после концерта были танцы. Заломов танцевал с кем угодно, но только не с Танечкой, Юрка же, напротив, танцевал только с нею. Вечер близился к завершению, когда вдруг объявили дамский вальс. Заиграла музыка, но никто из «дам» с места не тронулся. Просторный зал был пуст, сверкал начищенный паркет, да сияли белизной передники рассевшихся вдоль стен старшекласниц. И тут одна из них резко поднялась и с решительным видом направилась к стоящим рядом друзьям. Это была Танечка. Юрка уже подтянулся, решив, что девушка идёт к нему, но та прошла мимо него и остановилась перед Заломовым. И началось их бесконечное вальсирование. В полном одиночестве они кружились и кружились на блестящем паркете, и яркий круг белых передников бешено вращался в глазах Заломова. Он только молил Бога не запнуться и не опозориться. За все эти долгие две с половиной минуты Танечка не проронила ни слова и ни разу не взглянула на своего партнёра.

Казалось бы, столь яркий поступок Танечки, крайне нехарактерный для её скрытной, сдержанной натуры, говорил ярче слов, кому она отдаёт предпочтение, но этот вывод испугал

обоих друзей. Сразу после того вальса они вышли в коридор, и Заломов поспешил восстановить прежний *status quo*.

– Юрка, она хочет, чтобы ты её возревновал.

– А какой в этом смысл?

– Чудак, это же классический женский приём. Так она пытается поднять градус твоей влюблённости.

– Куда уж выше?

– Юрка, ты же такой классный парень! Несомненно, она считает тебя сердцедом и боится, что ты просто приволакиваешься за нею, чтобы увеличить список своих побед.

Удивительно, но такое сомнительное объяснение успокоило Юрку. И самое странное, в свою высосанную из пальца версию уверовал и сам Заломов.

Вот какие воспоминания оживили у Заломова строки из «Евгения Онегина». «Почему же тогда я не решился выяснить всё у самой Танечки?» – спросил он себя и услышал ответ своего второго Я: «Из её поведения в тот вечер и из бесчисленных ранее подмеченных мелочей ты знал, что она выбрала *тебя*. Но тогда в шестнадцать лет эта мысль тебя утратила. Ты испугался последствий... и, пожалуй, поступил правильно». – «Ну, нет, – возразил Заломов, – это был мой первый малодушный поступок».

БОРЬБА РАЗУМА С ДРЕВНЕЙШИМ ИНСТИНКТОМ

Владислав вышел из Института, и ноги сами понесли его по лесной дорожке к школе для одарённых детей. Начиналось сибирское лето. Папоротник-орляк завершал развёртывание своих ажурных псевдолистьев. По узеньким тропкам шныряли птенцы дроздов-рябинников, уже достигшие размеров родителей, но ещё не растерявшие своей детской доверчивости. Летели на первое любовное свидание сотни только что вылупившихся из куколок боярышниц – крупных и неуклюжих белокрылых бабочек. Заломов поймал себя на мысли, что и ему сейчас, как любой из этих бабочек, не даёт покоя тот же зуд, тот же древнейший и потому необоримый инстинкт.

Впрочем, примитивный и грубый инстинкт, видимо, хорошо знал, что делал, ибо, как только Заломов подошёл к школе, случилось форменное чудо – парадная дверь распахнулась, и на крыльцо выскочила Анна. Она легко сбежала по ступенькам на тротуар и, не взглянув в сторону Заломова, быстро пошла (как ему показалось, полетела) к своему дому.

– Анна! – хрипло позвал он, и сам не узнал своего голоса. Девушка резко остановилась. Пару секунд она смотрела на Заломова и молчала, и он молчал, наслаждаясь любованием ею. В голове его вертелись нечёткие противоречивые мысли: «Боже, как же она хороша! Интересно, она и на самом деле так хороша, или мне это только кажется? Неужели красота женщины – просто приманка для мужчины?» Он стряхнул с себя эти неуместные мысли и снова утонул в ярких и правильных чертах Анны. Как сквозь сладкий сон, как сквозь шум тёплого дождя донеслись до него её слова: «Влад? Вы? Как славно, что мы встретились! Я ужасно рада вас видеть. Как раз сегодня хотела вам звонить. Вы свободны?»

И не успел он ответить «да», как в голове его снова зазвучал внутренний голос: «Но зачем нужна естественному отбору именно такая форма носа, губ и бровей?» – «Действительно, зачем?» – мысленно добавил Заломов.

Возникшая пауза заставила Анну вопросительно взглянуть на него: «Чёрт возьми! Я прямым текстом спросила его, свободен ли он, а этот тип колеблется. Плохи мои дела!»

Ответ Заломова остановил беспорядочный поток её мыслей:

– Да, Анна, я свободен. Я вообще и абсолютно свободен.

– Влад, я иду домой. Если не возражаете, зайдёмте ко мне, немножко поболтаем, и я верну вам литературу, – голос Анны звучал ровно, но лицо её было напряжено.

– Мне ужасно нравится с вами беседовать, – ответил Заломов, не отрывая глаз от её рта, от белоснежных зубов, от полных, будто налитых любовным призывом алых губ. Он был счастлив. Он снова не менее часа будет наслаждаться её обществом.

Комната Анны поразила Заломова беспорядком. Оба стола – и письменный, и журнальный – были завалены книгами, журналами и оттисками статей. Исписанные листы валялись повсюду, даже на полу возле кресел. Было ясно, что едва ли в последнее время сюда заглядывали посторонние, – всё здесь было подчинено интересам одной лишь хозяйки. Это понравилось Заломову, ибо вселяло надежду на отсутствие соперников.

– Извините за ужасный кавардак, но иначе не могу работать. Мне нужно, чтобы одновременно было раскрыто как можно больше интересных мест, – оправдывалась Анна.

– Вижу, вы изрядно потрудились.

– Не беспокойтесь, я быстро наведу порядок.

С этими словами Анна с превеликой ловкостью собрала книги и прочее в большую стопу и водрузила её на письменный стол. Через несколько минут они уже сидели в креслах напротив друг друга и попивали не слишком качественный, но зато настоящий натуральный кофе.

– Влад, – приступила Анна к содержательной части беседы, – я прочла практически всё, что вы мне дали, и даже кое-что сверх того и теперь хочу задать вам несколько вопросов. Впрочем, по сути, меня волнует всего лишь один вопрос.

– Ради бога.

– Хорошо известно, – заговорила Анна слегка дрожащим голосом, – что обитатели подземных пещер – насекомые, рачки, рыбы – часто лишены глаз, хотя их ближайшие сородичи из освещённого мира обладают превосходным зрением. Объяснить это можно так. Представим, что в некой горной местности протекает речка, в которой живут рыбки с крупными зоркими глазами. Но вдруг происходит землетрясение, и речка вместе с её обитателями проваливается под землю. Теперь она течёт по обширной многокилометровой пещере, куда не проникает ни одного фотона солнечного света. Впрочем, рыбки находят и там какой-то корм, так что их жизнь продолжается, и в их генах продолжают возникать мутации, которые должны удаляться естественным отбором. Однако в полной темноте ряд мутаций не удаляется. Дело в том, что теперь естественный отбор не отличает зрячих рыбок от слепых, и потому ничто не мешает несчастным пещерным рыбкам накапливать и накапливать мутации, нарушающие развитие глаз. Длительное сохранение такого положения вещей приведёт в конце концов к печальному финалу – от крупных и зорких глаз бедных рыбок останутся лишь две едва заметные ямки. Влад, я правильно описала суть этого жуткого процесса?

– В целом, да.

– Ну, слава богу, – Анна облегчённо вздохнула, – и вот мой первый вопрос: какова дальнейшая судьба генов, ставших бесполезными в абсолютно тёмной пещере?

– Со временем они будут полностью разрушены мутациями и превратятся в ДНК, лишённую генетической информации, в так называемый ДНК-овый хлам.

– Отлично. А теперь перейду к моему главному вопросу. Допустим, что какой-то вид-счастливчик попал в ужасно благоприятные условия, где много пищи и совсем нет врагов. Вопрос: *что будет с генами такого счастливчика?* – тёмные глаза Анны смотрели на Заломова твёрдо и серьёзно.

– В этом случае все гены, нужные для поиска пищи и защиты от врагов, став лишними, выйдут из-под контроля естественного отбора, и тогда безжалостные мутации примутся их разрушать. В итоге, немалая часть генов вашего «счастливчика» довольно скоро отправится на генное кладбище.

– Знаете, я тоже пришла к такому выводу, но он показался мне слишком уж мрачным. А что значит «довольно скоро»?

– От одного до десяти миллионов лет. По эволюционным меркам, это не очень длинный отрезок времени.

– Да, конечно, – с мрачноватой улыбкой согласилась Анна.

Тут Заломов рассмеялся и попытался сострить.

– Рай для организма – это ад для его генов.

– Кошмар! – прошептала Анна и добавила громко и вызывающе: – Влад, а не кажется ли вам, что мы, то есть наш вид *Homo sapiens*, уже на пути к такому адскому раю?

Эти слова заставили Заломова вздрогнуть.

– Действительно, – произнёс он слегка упавшим голосом, – современное человечество во многом напоминает ваш вид-счастливчик, попавший в райский сад, наполненный пищей и защищённый от хищников. С прогрессом сельского хозяйства еды становится всё больше, а медицина близка к искоренению практически всех патогенных видов. Численность людей уже достигла пяти миллиардов, где там остальным крупным обезьянам тягаться с нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.